

БИБЛИОТЕКА

ОГОНЁК

№ 4

1969

ПОБЕДНЫЕ РУБЕЖИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА»
МОСКВА

ВЫПУСК ВТОРОЙ

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 4

ПОБЕДНЫЕ РУБЕЖИ

ВЫПУСК ВТОРОЙ

Издательство «ПРАВДА»
Москва. 1969

В третьем и четвертом номерах «Библиотеки «Огонька» собраны выступления видных военачальников нашей страны — первого заместителя министра обороны СССР Маршала Советского Союза И. Якубовского; заместителя министра обороны СССР, главнокомандующего Военно-Морским Флотом СССР, адмирала Флота Советского Союза С. Горшкова; заместителя министра обороны СССР, главнокомандующего Ракетными войсками стратегического назначения, Маршала Советского Союза Н. Крылова; заместителя министра обороны СССР, Маршала Советского Союза К. Москаленко; Маршала Советского Союза В. Соколовского; Маршала Советского Союза В. Чуйкова; генерала армии А. Белобородова; генерала армии М. Попова; генерал-полковника И. Людникова,— напечатанные в «Огоньке» по случаю празднования юбилейных дат Советской Армии и славных побед Советских Вооруженных Сил в годы Великой Отечественной войны, а также выступления журналистов, рассказывающих о событиях, связанных с этими выдающимися победами.

С. ГОРШКОВ,
адмирал Флота Советского Союза,
Герой Советского Союза,
заместитель министра обороны СССР,
главнокомандующий Военно-Морским Флотом СССР

ФЛОТ НА БОЕВОЙ ВАХТЕ

(Интервью «Огонька»)

— Редакция журнала «Огонек» просит вас рассказать нашим читателям о Военно-Морском Флоте.

— Рассказ о флоте, рассказ в тесных рамках интервью... Сложная задача. У нашего флота большая история. Истоки его боевых традиций уходят в века, ко временам сражений при Гангуте, Чесме, Синопе, первой обороны Севастополя. Морская мощь русского государства создавалась многими поколениями моряков, и мы чтим их заслуги. Уже полувековой путь прошел флот под боевым знаменем Страны Советов. И это героические подвиги, открытия, замечательные плавания, это необычайные судьбы кораблей, экипажей и отдельных людей, их мужество, самоотверженность.

Одно сопоставление непроизвольно napросилось мне 7 ноября — в день празднования 50-летнего юбилея Советской страны. Тогда, как известно, военный парад на Красной площади открыли бойцы гражданской войны. И вот широким флотским шагом прошли матросы в бушлатах, перепоясанные крест-накрест пулеметными лентами. Отряды таких матросов с «Авроры», «Гавриила», «Забияки», «Самсона» и других кораблей шли по зову Ленина на штурм Зимнего дворца, беззаветно сражались за Советскую власть в первые годы ее становления. Словом, давнее прошлое воскресило в памяти.

И тут же я подумал о другом. За несколько дней до юбилейных торжеств мне выпала честь вручить Памятное Знамя ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР экипажам атомных подводных лодок. Эти самые совершенные боевые корабли современности, появление которых еще не так давно казалось чем-то фантастическим, теперь вполне освоены нашими людьми, и их дальние океанские плавания прочно вошли в обычную учебную практику флота.

И, сопоставляя то и другое, я не мог не подумать о времени, которое разделяет годы 1917-й и 1967-й, о громадных изменениях, совершившихся на флоте, как и во всех наших Во-

оруженных Силах, во всей стране. А за этим — годы тяжелейших войн, преодоления многих трудностей, годы технических преобразований и ломки привычных ранее взглядов. Рассказ о флоте должен был бы охватить все это. Но все охватить невозможно.

— А если говорить о самом главном?

— Попытаемся говорить о самом главном. Боевая история Советского Военно-Морского Флота берет начало с того дня, когда В. И. Ленин подписал декрет о создании Рабоче-Крестьянского Красного Флота. Этот ленинский декрет был объявлен 30 января (12 февраля) 1918 года. Основу первых формирований флота только что родившегося пролетарского государства составили те военные моряки царской России, которые в 1917 году встали под знамена большевистской партии и активно поддерживали восстание народа.

Новому флоту вместе с молодой Красной Армией выпали тяжелейшие испытания в боях с войсками внутренней контрреволюции и иностранных интервентов. День рождения Советских Вооруженных Сил мы празднуем 23 февраля. В этот день в 1918 году были одержаны первые победы над войсками германских интервентов под Псковом и Нарвой, по всей стране началась запись добровольцев в Красную Армию. В тех боях участвовали и матросские отряды, проявившие большую стойкость и героизм. В марте — апреле 1918 года балтийцы, спасая корабли от захвата их врагом, совершили беспрецедентный Ледовый поход из портов Финляндии в Кронштадт. В результате этой операции спасено 211 кораблей, так нужных Советской республике. Многие из этих кораблей затем прославились подвигами на Балтике, а их экипажи составили костяк тех более тридцати речных и озерных флотилий, которые были сформированы для помощи сухопутным войскам в годы гражданской войны. Активное участие в этой войне принимали также военные моряки Черноморского флота. Отряды черноморских матросов отважно сражались с врагами на юге страны.

Оглядываясь на те годы, мы не можем не отметить, что именно тогда во всю ширь раскрылись революционные традиции нашего флота, унаследованные от «Потемкина» и «Очакова», складывались новые боевые традиции экипажей надводных кораблей, подводников, морской пехоты, морской авиации. Тогда зарождалось и наше советское военно-морское искусство, получали закалку и опыт кадры будущих советских флотоводцев.

— Известно, что вскоре после гражданской войны М. В. Фрунзе, возглавлявший Народный комиссариат по военным и

морским делам, написал в одной из своих статей: «Флота у нас нет». Чем были вызваны эти горькие слова, что стояло за ними?

— Эти слова из статьи, которую М. В. Фрунзе написал в то время для журнала «Красный флот». Статья оценивала состояние флота после гражданской войны.

Вооруженные Силы молодой Советской республики добились всемирно-исторической победы, разгромив белогвардейцев и интервентов. Но оставалась постоянная опасность со стороны империализма. Важно было всемерно укреплять оборону Советской страны, поднимать боеспособность армии и флота.

А флот в то время оказался в крайне тяжелом положении. За предыдущие семь военных лет истощились все запасы, разрушилось базовое хозяйство. Корабли требовали ремонта, они безжизненными громадами возвышались около захламленных, полуразрушенных причалов. На Черном море, Севере и Тихом океане корабельных сил фактически не было. Иностранные интервенты увели с Черного моря и Севера 3 линкора, 10 крейсеров, 64 эсминца, 30 подводных лодок и большое число вспомогательных судов.

Все это и стояло за действительно горьким признанием М. В. Фрунзе.

Партия и правительство, весь советский народ предприняли в те годы героические усилия, чтобы возродить флот. Мы не имели тогда возможности строить флот на всех морях, поэтому его восстановление началось на Балтийском море, а несколько позднее и на Черном.

Эта работа приняла особую организованность и размах после X съезда РКП(б), специально рассмотревшего вопрос о флоте. По решению ЦК РКСМ, одобренному ЦК партии, в январе 1923 года по всей стране была проведена Неделя Красного Флота, прошедшая как большая военно-политическая кампания. По совету В. И. Ленина V Всероссийский съезд РКСМ в октябре 1922 года принял решение об установлении шефства над флотом.

Ремонтировались корабли. Открывались военно-морские учебные заведения. Уже в 1922—1923 годах в состав действующих кораблей Балтийского флота вошли после восстановления линкор «Петропавловск», крейсер «Аврора», 8 эсминцев, 9 подводных лодок, 20 тральщиков и другие корабли. Началось возрождение и Черноморского флота. Регулярно стали проводиться учения и маневры.

Осенью 1925 года М. В. Фрунзе посетил Балтийский флот и участвовал в учебном походе эскадры во главе с линкором «Марат». В статье «Балтийский флот и комсомол», написанной

на борту этого линкора, М. В. Фрунзе с гордостью отметил, что «Советская республика флот уже имеет».

К 1928 году восстановление флота было закончено. Но ему требовались новые корабли. Возможность строить их появилась тогда, когда наш народ, отказывая себе во многом, создал отечественную индустрию. В течение первых двух пятилеток со стапелей сошло 500 новых кораблей различных классов. Росла и совершенствовалась морская авиация, укреплялась береговая оборона. В начале 30-х годов создаются два новых флота — Тихоокеанский и Северный. Таким образом, всюду, где берега нашей Родины омываются морями, флот встал на свою вахту. В его составе накануне Великой Отечественной войны насчитывалось около 600 подводных и надводных кораблей, оснащенных техникой и вооружением высокого качества. На флоте поддерживалась высокая боевая готовность. Внезапные удары немецко-фашистских сил в июне 1941 года наш флот встретил организованно. Ни в одной базе в первый день войны мы не понесли потерь.

— Какие задачи пришлось выполнять флоту в Великой Отечественной войне?

— В годы войны главная задача флота состояла в том, чтобы помочь Красной Армии разгромить врага, прикрыть ее упоравшиеся в море стратегические фланги от ударов противника, обеспечить безопасность своих морских сообщений, а также наносить удары по коммуникациям противника, по приморским флангам его сухопутных войск. Эти задачи наш флот решал и совместно с войсками Красной Армии и путем самостоятельных операций. Боевые действия флота велись непрерывно с величайшим напряжением на море, в воздухе, в прибрежных районах. Военные моряки всюду сражались с большим мужеством и доблестью.

Возьмем балтийцев. Они покрыли себя бессмертной славой в боях у стен Лиепайи, Таллина, Ленинграда, героически обороняли Ханко, Моонзундские острова. Подводники Балтики в тяжелом 1942 году прорывались через плотные минные заграждения в Финском заливе и топили корабли врага на путях его сообщений. А в период наступления балтийцы дошли с боями до польских, германских и датских земель.

Черноморцы проявили величайшую доблесть в обороне Одессы и Севастополя, в битве за Кавказ, бесстрашно ходили в десанты. Свою военную судьбу я разделял с ними, был свидетелем многих подвигов целых экипажей и отдельных моряков, был причастен к действиям знаменитой морской пехоты, которую

враг окрестил «черной смертью», испытывая перед ней панический страх.

Североморцы, воюя в суровых условиях Заполярья, крепко стояли на скалистых прибрежных рубежах. Экипажи подводных и надводных кораблей Северного флота, преодолевая множество трудностей, активно действовали на своем обширном морском театре, топили корабли врага, обеспечивали проводку очень важных для нас конвоев.

За время войны силы нашего флота потопили более тысячи боевых кораблей, вспомогательных судов и катеров фашистской Германии, значительную часть ее торгового флота. Это говорит о больших масштабах вооруженной борьбы, развернувшейся на морях. Свой вклад в победу внесли также моряки речных военных флотилий. Свыше полумиллиона посланцев флота участвовало в боевых действиях на сухопутных фронтах.

Кстати сказать, среди этих моряков было много тихоокеанцев. Они громили врага под Москвой и Сталинградом, на Курской дуге. Тихоокеанцы затем проявили отличные боевые качества в войне с империалистической Японией.

Партия и правительство высоко оценили боевые заслуги Военно-Морского Флота. 513 морякам было присвоено звание Героя Советского Союза, а семеро из них удостоились этого звания дважды. Все наши флоты, Ладужская, Днепровская, Дунайская и Каспийская флотилии, а также свыше двухсот соединений, частей и кораблей стали орденосными. 85 кораблей, частей и соединений преобразованы в гвардейские.

Мы с гордостью говорим, что Военно-Морской Флот в Великой Отечественной войне до конца выполнил свой долг перед Родиной.

— Теперь вопрос о нашем нынешнем флоте. В начале беседы вы сказали, что он претерпел большие изменения. Чем они вызваны и в чем они выразились?

— От окончания войны с фашизмом нас отделяет немногим более двух десятилетий. В историческом плане срок небольшой. Но если кто-нибудь из военных моряков того времени побывает сейчас на флоте, многое вызовет удивление. Он будет искать глазами знакомые корабли и вряд ли найдет их.

Правда, он может услышать известные ему овечные боевой славы корабельные имена: «Гремящий», «Сообразительный», «Туман», «Красногвардеец»... На флоте есть хорошая традиция передавать имена заслуженных кораблей, так сказать, по наследству. Но во внешнем облике нынешнего, скажем, «Гремящего» и называвшегося так же гвардейского эсминца, который славно

воевал на Северном флоте, нет ничего похожего. Новый корабль несет мощное ракетное оружие, способное точно поражать противника на огромной дистанции, в его техническом оснащении широко использованы современные средства радиоэлектроники и автоматики, он обладает большей мореходностью и автономностью плавания.

Такие сравнения можно сделать по кораблям всех классов. И они покажут, что боевые качества нынешних кораблей, их боевые возможности неизмеримо выше, чем у предшественников.

Предыстория происшедших на флоте изменений вкратце такова. Да, мы одержали в Великой Отечественной войне победу огромного значения. Итоги войны убедительно показали, что в мире нет таких сил, которые смогли бы поставить на колени наш народ. Агрессорам был дан суровый урок. Но этот урок не хотят учитывать новые претенденты на мировое господство — американские империалисты. После разгрома фашизма они стали сколачивать направленные против нас агрессивные военные блоки, стремились окружить лагерь социализма сотнями военных баз. В планах новой войны против нас империалисты стали отводить значительную роль основных ударных сил военноморским флотам США, Англии и других капиталистических стран. Дело шло к огромной, небывалой концентрации ударной мощи в сфере действий флотов.

Нам нельзя было спокойно взирать на это. И, укрепляя свои Вооруженные Силы, мы были обязаны развивать свой Военно-Морской Флот.

Грандиозные успехи советской науки и техники позволили нам создать новые, мощные средства вооруженной борьбы, такие, как баллистические ракеты и ядерное оружие. На флоте широко внедрялись средства радиолокации и гидролокации, электронная аппаратура. В начале пятидесятых годов отечественная промышленность разрабатывает первые корабельные ядерные энергетические установки и начинается строительство атомных подводных лодок.

В это время, как и всегда, флоту уделяли большое внимание Центральный Комитет партии и Советское правительство. На основе их решений был взят курс на то, чтобы в короткий срок создать вполне современный океанский флот, в полной мере отвечающий требованиям ракетно-ядерной войны. Такой флот теперь создан и продолжает развиваться.

В его состав входят подводные лодки-ракетоносцы с атомными энергетическими установками, ракетные надводные корабли, морская ракетно-воздушная авиация, высокоманевренная морская пехота и береговые ракетные войска. Мы имеем теперь корабли с большой автономностью плавания, неограниченной мореходно-

стью, способные наносить мощные удары по противнику, защищать свои объекты с океанских направлений. Все это поставило флот в разряд сил, которые могут выполнять стратегические задачи наступательного характера.

— Новые корабли, новые задачи... Значит, изменились и требования к военным морякам, к людям флота?

— Безусловно. Наш народ знает, что, например, советские атомные подводные лодки неоднократно ходили под ледовыми льдами к Северному полюсу, что совершен беспримерный групповой поход атомных подводных лодок вокруг света без всплытия на поверхность. Известны и другие дальние плавания наших кораблей. Они представляют большое испытание для военных моряков, предъявляют к ним гораздо более серьезные требования, чем плавания в прибрежных водах.

Между прочим, в создании современного океанского флота, помимо чисто технических вопросов, нам пришлось решать сложную задачу переориентировки кадров флота. Они должны были понять, что в будущей войне, если ее развяжут империалисты, главные события на море развернутся не у наших берегов, а на океанских просторах. Всему личному составу флота следовало получить необходимую закалку для длительного пребывания в океанах, научиться нести свою службу, проявляя бдительность, инициативу, расчетливость и выдержку. И эти качества наши военные моряки сейчас проявляют повседневно.

Наши подводные лодки и надводные корабли постоянно находятся в дальних походах в различных морях и океанах. Их экипажи смело борются с непогодой, совершенствуют свою морскую и специальную выучку, умело управляют могучими кораблями, мастерски владеют современным оружием и сложнейшей техникой.

Хотелось бы особо отметить службу личного состава кораблей, находящихся в Средиземном море и выполняющих ответственную задачу по обеспечению государственных интересов Советского Союза в этом районе. Матросы, старшины и офицеры этих кораблей проявляют лучшие качества, присущие советским воинам, демонстрируют большую выдержку, высокую боевую готовность.

Военные моряки нынешнего поколения отличаются от своих отцов и старших братьев гораздо более высоким уровнем технической подготовки. Свыше 90 процентов корабельных офицеров имеют высшее образование. Вот уже несколько лет все выпускники военно-морских училищ получают дипломы инженеров. Большие технические знания нужны также матросам и

старшинам. Нам удастся успешно справляться с их подготовкой, так как на флот теперь приходит грамотная молодежь, как правило, с десятилетним или техническим образованием. Это люди замечательные, не жалеющие сил для службы Родине. И не случайно сейчас на флоте более половины матросов и старшин — отличники боевой и политической подготовки, около 70 процентов — классные специалисты.

Юбилейный год принес нам особенно большие успехи. Все военные моряки, выполняя взятые на себя социалистические обязательства, стремились ознаменовать 50-летие Советской власти отличным проведением плаваний, отличным решением любой задачи. Налицо повышение результативности ракетных, торпедных и артиллерийских стрельб, рост боевого мастерства всех категорий личного состава.

Заслуживают быть отмеченными успехи подводников, летчиков Краснознаменного Черноморского флота, экипажей надводных кораблей. Среди лучших из лучших те, кто завоевал накануне 50-летия Октября Памятные Знамена ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР, Совета Министров СССР. Это уже упоминавшиеся мною подводники, и в частности экипаж атомного подводного корабля под командованием капитана 3-го ранга В. Дрондина, ракетный подводный корабль, где командиром капитан 1-го ранга А. Катышев, а также ряд других частей и кораблей.

Сейчас на всех наших Краснознаменных флотах идет новая волна социалистического соревнования, поднятая подготовкой к празднованию столетия со дня рождения В. И. Ленина. Несомненно, что она принесет нам свежие вести о достижениях военных моряков.

Советский Военно-Морской Флот, как один из видов наших Вооруженных Сил, зорко стоит на страже Отчизны и готов выполнить любой приказ Коммунистической партии и Советского правительства.

М. ПОПОВ,
генерал армии,
Герой Советского Союза

КУРСКАЯ БИТВА

К весне 1943 года после блестящей исторической победы под Сталинградом наши армии, наступавшие на Курском направлении, глубоко вклинились в расположение фашистских войск. Однако в силу ряда причин развить успех, особенно на флангах, мы не смогли. Так образовалась дуга, вошедшая в историю под названием Курской. Отсюда наше Верховное командование намеревалось возобновить наступление после приведения в порядок войск и пополнения их техникой и материальными средствами.

К этому времени гитлеровская Германия и ее союзники-сателлиты были глубоко потрясены сокрушительными ударами Красной Армии под Сталинградом и в других операциях зимней кампании. Гитлер и военно-политическое руководство фашистского рейха решили во что бы то ни стало вернуть утраченную инициативу и изменить ход войны в свою пользу. Местом своего летнего наступления немецко-фашистское командование избрало район Курской дуги и сразу же приступило к тщательной разработке плана операции, закодированной под названием «Цитадель».

Этим планом намечалось нанести два главных удара по советским войскам, занимавшим Курский выступ. Один — из района Орла, другой — из района Белгород — Харьков в общем направлении на Курск. Таким образом гитлеровцы рассчитывали окружить и разгромить наши войска, находившиеся на Курской дуге, а затем нанести новый стремительный удар в тыл Юго-Западного фронта или на северо-восток в обход Москвы и разгромить всю Центральную группировку советских войск.

Естественно, что фашистская Германия делала все возможное, чтобы укрепить свои армии, пополнить их, дать новую мощную технику, в том числе новые танки «тигр» и «пантера», самоходные орудия типа «фердинанд» с мощной броней и вооружением, а также новые самолеты, обладающие высокими по тем временам скоростями. Одновременно германская промышленность развернула производство новых орудий, минометов и бое-

припасов. Все это делалось, разумеется, в строжайшей тайне. Но как бы тщательно ни скрывал свои планы немецко-фашистский генералитет, наша Ставка своевременно разгадала замыслы врага и благодаря этому сумела подготовиться к вражескому наступлению, сорвать намерения Гитлера.

Именно против Курской дуги ожидались главные мощные удары врага. Это предопределяло план действий наших войск: упорной, заранее подготовленной, глубоко эшелонированной, непреодолимой обороной измотать и обескровить противника, а затем мощным контрнаступлением завершить его разгром.

Оборонительную операцию на Курской дуге и последующее контрнаступление намечалось осуществить силами Центрального фронта под командованием генерала К. К. Рокоссовского — на Северном фланге дуги и Воронежского, под командованием генерала Н. Ф. Ватутина — на Южном. Командование Брянского фронта получило задачу совместно с войсками левого крыла Западного фронта подготовить и провести наступательную операцию в общем направлении на Орел — Брянск и нанести удар по тылам немецкой группировки, противостоящей Центральному фронту. Операцию намечалось начать примерно на шестые-седьмые сутки оборонительного сражения на Курской дуге. Эта операция должна была обеспечить решительный успех советских войск и получила условное наименование «Кутузов».

Задача была не из простых. Фронту противостояла оборона противника, создававшаяся им на протяжении около двух лет. Она представляла собой развитые на большую глубину позиции, состоявшие из многих линий траншей и ходов сообщения с многочисленными укрытыми огневыми точками, бронеколпаками, блиндажами, наблюдательными пунктами, бесчисленными рядами проволочных заграждений, противотанковых минных полей, рвов и эскарпов. Таких позиций было несколько. Последняя из них прикрывала непосредственные подступы к Орлу. Да и в самом Орле большинство каменных зданий гитлеровцы приспособили к обороне.

Подобную оборону нашим войскам предстояло прорывать впервые. Требовалась особенно тщательная подготовка.

В результате многих детальных рекогносцировок, в ходе которых тщательно и всесторонне изучалась оборона противника и все его боевые возможности, после детального изучения местности и точного анализа и учета состава, состояния и возможностей войск нашего фронта и соседей у нас постепенно созрел план операции.

Как и всегда, душой разработки этого плана являлся штаб фронта во главе с одним из опытнейших начальников штаба, генералом Л. М. Сандаловым, умело, я бы сказал, талантливо ор-

ганизовавшим сложную и многогранную работу большого коллектива штаба фронта, начальников штабов родов войск и всемерно помогавшим штабам армий. Естественно, вся эта сложная творческая работа велась в тесном содружестве с командующими армиями: Шестьдесят первой — генералом П. А. Беловым, Третьей — генералом А. В. Горбатовым, Шестьдесят третьей — генералом В. Я. Колпакчи и командующим Воздушной армией генералом Н. Ф. Науменко и их штабами.

После разработки и тщательного отбора многих возможных вариантов был разработан план наступательной операции «Кутузов». План этот в основном сводился к следующему: прорвать оборону противника в районе Новосиля и одновременно нанести два глубоких рассекающих удара, охватывая Орел с севера и юга. Конечной целью этих двух ударов было овладение городом.

Начался новый этап в деятельности штабов и войск. Штабы армий приступили к разработке собственных оперативных планов. Определялись боевые задачи корпусам и дивизиям, уточнялось распределение и задачи артиллерии и других родов войск, отбирались наиболее выгодные варианты перегруппировки и смены войск, способы и места продельвания проходов в минных полях — в своих и противника, и многие другие важные вопросы, связанные с подготовкой наступления.

Особенно большая работа ложилась на плечи артиллерийских начальников и их штабов. Прочная оборона врага и мощное усиление фронта и армий артиллерийскими соединениями и частями требовали исключительно умелого и продуманного распределения артиллерии, усиления, правильного создания артгрупп, определения их позиционных районов, задач и целей.

Огромную работу проводили наши политорганы и партийные организации, поднимая патриотический дух воинов и готовя их к предстоящим боям.

Обширные задачи пришлось решить и службам тыла. Ведь им предстояло подвести и накопить колоссальнейшие ресурсы всех видов материальных средств, потребных для обеспечения операции. Сделать это было очень трудно: не хватало автотранспорта, а железные дороги, занятые оперативными перевозками, были перегружены.

На переднем крае сотни пар глаз разведчиков и командиров всех степеней, усиленных оптикой — биноклями и стереотрубами, днем и ночью «сверлили» оборону врага, тщательно отмечая малейшие перемены на передовой и в ближайшем тылу.

В большой, напряженной работе всех звеньев сложнейшего фронтового организма прошли апрель, май, июнь. Гитлер неоднократно переносил сроки начала наступления. Мы могли только

предполагать, что он боится нас и выжидает, чтобы мы начали первыми, или просто продолжает накапливать войска и особенно технику.

В конце июня на КП фронта прибыл представитель Ставки Маршал Советского Союза Г. К. Жуков. Хорошо знакомый с планом операции «Кутузов», он подробно вникал в ход укомплектования и подготовки войск, в состояние и накопление ресурсов, особенно боеприпасов и горючего, проверял поступление боевой техники и подход частей усиления. На другое утро после его прибытия мы выехали в район наблюдательного пункта 63-й армии, куда был вызван и командарм-3 генерал Горбатов. С НП 63-й армии почти полностью был виден участок, на котором предстояло прорываться нашей ударной группировке. На большую глубину просматривалась и немецкая оборона. Не один час Г. К. Жуков и я провели у окуляров стереотруб, уточняя каждый будущий шаг, выискивая все могущие возникнуть осложнения и тут же определяя необходимые контрмеры.

После этого Г. К. Жуков передал мне такое указание И. В. Сталина: «Лето в разгаре, оно уже повернуло на вторую половину, а Гитлер все еще не начинает ожидаемых нами ударов. Если он не начнет в ближайшие дни, то, чтобы не терять самого благоприятного для ведения боевых операций времени, нам первыми придется перейти в наступление. К подготовке этого наступления следует немедленно приступить».

— Конечно, Брянскому фронту,— сказал в заключение Г. К. Жуков,— это сделать проще. А вот К. К. Рокоссовскому и Н. Ф. Ватутину, находящимся в глубокой обороне, придется значительно труднее.

На этом закончилась наша последняя перед сражением встреча с маршалом Жуковым. Он уехал, а мы немедленно приступили к разработке дополнений и уточнений к плану «Кутузов», необходимых на случай перехода в наступление первыми. Но эти дополнения не понадобились. В начале июля все четыре фронта получили из Ставки сообщение, что окончательно наступление немцев можно ожидать между 3 и 6 июля. 5 июля около шести утра меня разбудил взволнованный Л. М. Сандалов. Он доложил, что немцы после мощной артиллерийской и авиационной подготовки атаковали позиции Центрального фронта массой танков и пехоты.

— На нашем фронте,— сказал начальник штаба,— пока все спокойно.

— Начал все-таки! — одновременно вырвалось у нас обоих.

Некоторое время спустя в штаб фронта поступили данные о том, что аналогичное наступление гитлеровцы предприняли и против Воронежского фронта. Так, на рассвете 5 июля 1943 года

началась великая битва на Курской дуге. Весь этот день мы с неослабным вниманием следили за развитием сражения на Центральном фронте, где противнику ценою больших потерь, несмотря на все упорство, героизм и стойкость наших войск, удалось на ряде участков вклиниться в нашу оборону и овладеть первыми линиями траншей. Примерно так же развивались события и на Воронежском фронте. К исходу дня позвонил Верховный Главнокомандующий И. В. Сталин и спросил, известно ли мне, что происходит у Рокоссовского.

— Известно достаточно точно, — отвечал я.

— Когда же вы сможете начать своего «Кутузова»?

— Как предусмотрено — через шесть-семь суток.

— Ну, а раньше вы никак не могли бы начать? Скажем, на один-два дня?

— Я постараюсь сделать все, что в моих силах. Но прошу сохранить установленный вами срок.

— Ну что ж, вынужден с вами согласиться. Приступайте немедленно к подготовке!

Верховный Главнокомандующий знал, что войска, предназначенные для наступления, находились в 100—150 километрах от переднего края. Они приводились в порядок и вели боевую подготовку в относительно спокойной обстановке. А главное, не привлекали внимания гитлеровцев к нашему направлению. Потому-то при планировании операции «Кутузов» и были утверждены эти шесть-семь суток, необходимые для перегруппировки войск, выхода их на исходное положение и для минимальных приготовлений к штурму.

Пока мы перегруппировывали войска, на Курском выступе по-прежнему шли ожесточеннейшие бои, в которые вовлекались постепенно и резервы Ставки. Противник на некоторых направлениях продолжал наступать, вклиниваясь в нашу оборону, не считаясь с тем, что каждый шаг стоил ему тысяч жизней солдат и офицеров и массы подбитых танков. На рассвете 12 июля хорошо обученные, подготовленные, экипированные и оснащенные техникой войска Брянского фронта после мощной артиллерийской и авиационной подготовки перешли в наступление. С моего наблюдательного пункта, на котором находился и Г. К. Жуков, прибывший накануне, раскрывалась необъятнейшая панорама атаки пехотных цепей, танков и самоходок, двигавшихся вслед за уходящим все далее и далее мощным огненным валом артиллерийского огня, закрывавшего горизонт. С воздуха штурмовики и бомбардировщики непрерывно атаковали боевые порядки противника. Гитлеровцы, потрясенные нашей артподготовкой и ударами авиации, огрызались слабо. Фашистская авиация на сей раз бездействовала.

Успешно продвигавшиеся войска постепенно исчезали из поля нашего наблюдения, и о достигнутых рубежах мы узнавали только по докладам командармов. К концу этого напряженнейшего дня наши войска прорвали немецкую оборону на всем участке наступления и вклинились в нее на глубину в пять — семь километров. Следом пришло еще одно радостное известие: в этот день по всей Курской дуге гитлеровцы прекратили наступление и перешли к обороне. «Похоже, «Цитадель» потерпела крах», — подумал я.

Все последующие дни наступление наших войск продолжало развиваться успешно, хотя в несколько меньшем темпе, чем намечалось. Удары войск Брянского и левого крыла Западного фронта потрясли всю оборону врага на Орловском плацдарме. Но окончательно сломить его сопротивление нам еще не удалось. Используя опорные пункты и узлы сопротивления в глубине обороны, противник продолжал яростно отбиваться. Кроме того, немцы, перешедшие с 12 июля к обороне против войск Центрального фронта, стали оттуда подтягивать танковые и пехотные дивизии на наше направление.

Недостаточная обеспеченность нашего фронта танками и все возрастающее сопротивление противника обусловили постепенное замедление наступления.

Понятно поэтому, как мы обрадовались, когда вечером 17 июля меня вызвал к телефону И. В. Сталин и, как всегда, поинтересовавшись состоянием дел на фронте, спросил:

— Известно ли вам, что в вашем тылу стоит Третья гвардейская танковая армия Рыбалко, которая находится в резерве Ставки? Имеете ли вы с ней связь?

— Известно. Связь надежная. Непрерывно поддерживается.

— Вы лично знакомы с Рыбалко?

— Знаком много лет.

— Мы решили армию Рыбалко передать в ваше подчинение. Немедленно свяжитесь с ним, передайте ему об этом, потребуйте поднять армию по тревоге и выступать в район по вашему определению, где-то у реки Олешня. Директиву pošлем позже.

Я немедленно вызвал по телефону Рыбалко, передал ему указание Верховного Главнокомандующего и попросил на самолете прибыть ко мне на КП фронта. На рассвете 18-го числа П. С. Рыбалко явился на КП. Мы провели оперативное совещание, на котором отработали детали ввода в прорыв танковой армии. 19 июля с НП командарма-3 А. В. Горбатова мы наблюдали за вводом танков в прорыв. Сначала движение танков шло удачно. Но затем танкистам пришлось ввязаться в бои с опорными пунктами немцев, оборонявшимися в глубине и состоявшими

преимущественно из танковых групп. Из-за этого танковой армии не удалось выйти на оперативный простор. Тем не менее боевые наступательные действия танкистов в значительной степени оживили активность 3-й и 63-й армий и помогли ускорить их продвижение.

Уже в ночь на 21 июля противник оставил Мценск и под натиском наших войск продолжал отходить на других участках фронта. Наступательный порыв наших войск с приближением к Орлу все более нарастал.

Чем ближе к Орлу, тем яростнее оборонялись гитлеровцы. Активизировалась немецкая авиация. Особенно она донимала 3-ю танковую армию. Еще бы! Противник, у которого к этому времени уже полностью провалилась пресловутая «Цитадель», прекрасно понимал, чем грозило успешное продвижение массы советских танков в направлении Орла!

Вечером 25 июля мне позвонил Верховный Главнокомандующий и спросил, как мы думаем использовать танковую армию Рыбалко под Орлом. Я отвечал, что сам задумываюсь над этим. Орел разрезан пополам рекой Окой. Севернее и южнее города тоже петляет Ока. Для преодоления ее ни у Рыбалко, ни у нас во фронте переправочных средств нет. Словом, я сам еще не решил, что дальше делать с танковой армией.

И. В. Сталин сказал:

— Мы тоже думаем над этим вопросом. Нам кажется, что было бы целесообразно передать Рыбалко Рокоссовскому. У него больше широких просторов для использования танковых войск.

Я ответил согласием. И тут же получил указание о немедленной передаче армии Рыбалко Рокоссовскому.

По телефону я поблагодарил Рыбалко за хорошую боевую работу и пожелал дальнейших успехов. Затем мы согласовали с К. К. Рокоссовским, который был очень обрадован таким приобретением, и со штабом Центрального фронта маршруты следования танковой армии в район сосредоточения и сообщили нашим командармам о ее уходе.

Так 3-я танковая армия вышла из состава войск Брянского фронта, что значительно ослабило силу нашего удара.

Но это не сломило непреклонной воли войск к победе. Несмотря на все возрастающее сопротивление врага, наши поредевшие армии продолжали наступление. Массовый героизм солдат и офицеров, казалось, не знал предела.

Танкисты 4-й танковой армии генерала В. М. Баданова вели упорные бои, пытаясь прорвать неожиданную преграду у города Болхова. Г. К. Жуков предложил мне использовать остающееся светлое время и вместе с ним выехать в район боев 4-й тан-

ковой армии. На НП В. М. Баданова из его доклада и по личным наблюдениям стало ясно, что немцы успели подтянуть сюда значительное количество противотанковых средств — пушек, самоходных орудий и «фаустников», удачно развернули и замаскировали их на холмах, поросших высокими хлебами. Попытки танкистов прорвать этот рубеж в лоб не давали результатов. Леса по флангам не позволяли его обойти. Даже невооруженным глазом были хорошо видны на поле боя наши подбитые и горящие танки.

Нужно было немедленно принимать какие-то меры. С утра следующего дня, 30 июля, Г. К. Жуков и я побывали на НП командиров корпусов и некоторых бригад, изучили местность и ход этого явно неудачного для нас боя. К вечеру обо всем происходящем мы доложили в Ставку. Нам было приказано вылететь в Москву. После моего краткого доклада, сопровождавшегося замечаниями Г. К. Жукова, Ставка приняла решение: наступление танковой армии немедленно прекратить. Этой же ночью сместить Баданова войсками 11-й гвардейской армии, которой дать сутки на подготовку и поручить прорвать противотанковый рубеж противника. Баданову же срочно приводиться в порядок и готовиться к повторному вводу в прорыв. После некоторых дополнительных указаний Верховный Главнокомандующий приказал мне возвращаться. Через тридцать минут я был уже в воздухе, пробыв на этот раз в Кремле ровно один час.

Дальнейшие события протекали, как и было задумано. Пехота И. Х. Баграмяна, наступая по ржи, разогнала и в значительной степени уничтожила противотанковые точки противника и буквально через 2—3 часа уже продвигалась, не встречая почти никакого сопротивления. Это один из тех редких случаев, которые все-таки бывают на войне. Пехота прорвала противотанковую оборону и расчистила путь танкистам! Высокая рожь, которую (им в этом не откажешь) умело использовали фашисты, подпуская наши танки вплотную и расстреливая их в упор, обернулась против них. Наши гвардейцы-пехотинцы, искусно маскируясь во ржи, подбирались, забрасывали их гранатами, расстреливали автоматным и пулеметным огнем расчеты орудий и «фаустников».

Вскоре 4-я танковая снова была введена в прорыв, обогнала боевые порядки пехоты и устремилась вперед на Хотынец.

Благоприятная боевая обстановка позволила мне, конечно, с соответствующего разрешения, вернуться на Орловское направление. Здесь наши войска завершили прорыв последней, очень сильной оборонительной позиции немцев. 3—4 августа дивизии 3-й и 63-й армий вели бои уже непосредственно на подступах к городу, а некоторые из них ворвались на окраины.

С замиранием сердца смотрели мы на лежавший впереди в дыму и огне родной наш Орел. В эти дни Военный совет фронта обратился к воинам с призывом: «Бойцы и командиры! На ваших глазах уничтожается гитлеровскими бандитами Орел... Два-три часа стремительного наступления не позволят врагу окончательно разрушить наш родной город. Вперед, на скорейшее его освобождение!»

Около пяти часов утра 5 августа позвонил командарм-3 А. В. Горбатов и взволнованно, радостным голосом доложил, что Орел полностью освобожден от противника и что войска продолжают продвижение. На мой вопрос, насколько он уверен в этом, он отвечал, что находится непосредственно вблизи города, имеет устойчивую связь с командирами 308-й и 380-й дивизий, которые еще вчера днем вели бои на улицах, что ночью связь ни разу не прерывалась и вот только сейчас комдивы доложили по телефону о происходящих у них событиях. Я искренне поблагодарил и поздравил его с большой победой, но просил еще раз все тщательно проверить и доложить.

Начальник штаба фронта Л. М. Сандалов тоже доложил, что получены, правда, пока телефонные, доклады о полном освобождении Орла.

— Готовить донесение Ставке? — спросил он.

— Зачем спешить? Это — очень ответственное донесение. Давайте сейчас на самолете пошлем в Орел хорошего офицера с задачей проверить истинное положение в городе... По его возвращениям и донесем в Москву.

Через полчаса тщательно проинструктированный офицер — майор Блинков — помчался на аэродром. Мы напряженно ждали. Время шло, а майор Блинков все не возвращался. В 10 часов позвонил заместитель начальника Генштаба генерал А. И. Антонов, поздравил со взятием Орла и поинтересовался, почему мы официально об этом не доносим. Я объяснил Антонову, что с нетерпением жду возвращения посланного в Орел офицера. Около 13 часов, не получая от меня известий, А. И. Антонов позвонил снова и попросил всемерно поторопиться. К слову, он рассказал, что только что у И. В. Сталина обсуждался вопрос, как отметить эту крупную победу, что вспоминали петровские времена и что приказано готовить салют и фейерверк.

Наконец майор Блинков вернулся и доложил, что объехал на попутных машинах весь город, побывал на его окраинах и что наши войска уже находятся далеко к западу от Орла. Задержался же он потому, что улицы завалены обломками, забиты обозами и ему пришлось много колесить.

А поздним вечером 5 августа мы слушали передававшийся по радио приказ Верховного Главнокомандующего, адресован-

ный войскам Брянского фронта, освободившим Орел, и войскам Степного и Воронежского фронтов, овладевшим Белгородом, и всем взаимодействовавшим с ними фронтам. Затем радио донесло до нас отзвуки двенадцати залпов первого в истории Великой Отечественной войны салюта.

Меж тем фронтовая жизнь шла своим чередом. С утра 6 августа войска фронта без всякой передышки продолжали стремительное наступление в направлении Брянска... Мы шли в победное наступление и были уверены, что не остановимся до конца войны, шли к окончательной великой Победе, выкованной титаническим трудом всего советского народа.

ЖЕЛЕЗНАЯ СЕЧА

Вокруг меня часто говорят о войне. Те, кто воевал, не устали рассказывать о ней. Те, кто не воевал, не устали спрашивать. Да и разговоры сугубо мирные чаще всего кончаются фразой: «Только бы не было войны...» Нет, война не знает забвения... Я же давно хотел проехать по Курской дуге, послушать свидетелей железной сечи, а может быть, и участников. И помолчать у могил той войны.

И вот я в дороге. Стоит июль 1968 года. Минуло двадцать пять лет с того июля. Но не зарубцевались раны срединной России!

...В общем-то они совсем рядом — Орел, Курск и Белгород. Для летней поездки — самый праздничный путь: разнотравье, сенокосы, спеющие хлеба срединной России!.. Но, короткий в нынешнее мирное время, этот путь необыкновенно долг и тяжел, если мерить его, как четверть века назад, меркой того страшного июля; если не катить бездумно по стремительной и тенистой глади автостреды Москва — Симферополь, а успевать замечать холмики солдатских могил, останавливаться у священных мест братских захоронений героев и каждый раз найти в себе силы выслушать каждого, кто не забыл о той войне, ее участников и свидетелей, матерей... Нет, я так и не проехал по всей «дуге», сумел побывать лишь на одном поле русской славы — на Прохоровском. Одно поле, десяток встреч, сотни могил... «Под Яковлевым и под Ивней, где хлеб дымился на корню...» — так пишет сегодня местный поэт. И еще: «Мне шел тогда девятнадцатый год».

Девятнадцать лет, девятнадцать неполных.. Александр Петрович Беликов — сейчас директор нефтебазы в Томаровке. Ветераны Воронежского фронта, ветераны 6-й гвардейской и 5-й гвардейской танковой армий помнят Томаровку до сих пор! А шел тогда многим из них девятнадцатый год. Только что из резерва, из училища. Обстрелянных совсем мало. Александр Беликов был командиром танка. Вальдемар Шаландин, тоже командир танка, его ровесник, толстощекий крепыш, здесь, у хуто-

ра Ерик, сгорел и посмертно награжден Золотой Звездой Героя. Почти все павшие смертью храбрых на окраине Яковлева — с 1924 года...

Крапивинские Дворы. Был здесь хутор, в который тогда свезли тела погибших. Теперь дети рядом рвут ягоды. На могильных плитах имена: «Гв. красноармеец Сапогов Козьма, гв. красноармеец Кадиров Атохан — слава богатырям...»

Богатыри? Да. Богатыри? Нет. Были худенькие юноши, солдаты третьего года войны. Они знали, что немец скоро снова полезет и что до сих пор летнее поле войны оставалось за ним... И еще они знали, что больше так не будет, не должно быть. Почему? Может быть, потому, что они не видели, как отступала Красная Армия в 41-м и в 42-м? Или потому, что многие из пополнения уже узнали, что такое оккупация? А главное, конечно, потому, что в руках новичков были новенькие винтовки и автоматы, тяжелые «ПТР». Юные танкисты сидели в новеньких — только что из Челябинска — танках. А закапывался фронт вот уже три месяца, и выросла, а точнее, вросла здесь в белгородскую землю настоящая земляная крепость! А над нею наши истребители — теперь уже хозяева неба...

Вот, наверное, почему они не дрогнули на рассвете 5 июля 1943 года.

Там, где остановили немцев, — памятник танкистам. Сам памятник — история. Этот танк — из колонны, построенной на сбережения крестьян Вологодской области. Можно представить себе, что это за сбережения были у крестьян той области в годы войны. Но они отдали все... Танк, говорят, дошел до Берлина. У него всегдалюдно: здесь пионеры произносят слова своих торжественных обещаний, здесь молодые солдаты преклоняют знамена. За памятником — осевшие, заросшие окопы, а чуть дальше — хлебное поле. Сюда недавно приезжала Пелагея Васильевна Седухина из города-кузни Челябинска. Ее пригласили яковлевские пионеры. Отряд красных следопытов нашел место гибели ее сына Ивана. Вот это поле... Вая 5 и 6 июля сжег здесь шесть черных танков. Они шли через симферопольскую дорогу, старались обойти высотку. Он их встречал огнем и жег, жег, пока... Пелагея Васильевна, казалось, давно уже выплакала все слезы, но они снова льются и льются.

Пионеры, очень серьезные, салютуют Ивану и его старенькой маме.

А земля вспоминает. Когда-то здесь был просто холм. С цветами и пыльной, горькой травой. На стеблях качались птицы. Потом холм обозначили на картах и назвали «высотой». Высота 245-я. На нее и полезли немцы из-за хутора Ерик, снизу. А здесь стояли танки лейтенанта Бочковского (будущего Героя Со-

ветского Союза, легендарного В. Бочковского). Десять танков. А тех, черных, ползло восемьдесят. Но у Бочковского все ребята из одного училища, все того же 1924 года рождения. Рокowego для поколения. Им с высоты уходить нельзя было: господствующая. В первый день, 5 июля, отбили четыре атаки. Вальдемар Шаландин, прикрывая товарищей огнем своего обезноженного, расстреливаемого в упор танка, тогда-то и сторел... И Ваня Седухин тогда погиб. Но немец не прошел.

Был холм, была высота... Теперь мемориальный курган. Священный курган. В стволе танка поселились степные птицы. Здесь всегда тихо, даже тогда, когда толпой приходят дети. Здесь навсегда молчание...

Потом встреча с Андреем Борисовичем Поповым. Он председатель колхоза имени Ленина, того же Яковлевского района. Очень хороший председатель, настоящий хозяин, но интересен еще и тем, что судьба его воистину необыкновенна. Андрей Попов — председатель колхоза, в который входят Озеровка, Гостищеве и село Сажное, откуда он сам родом, то самое село, через которое рвались немецкие танки 5 и 6 июля 1943 года. Здесь человек родился, здесь держал оборону его артдивизион, его, капитана Андрея Попова, Андрея Борисовича. Ну не удивительно ли!

— У меня и год рождения славный — девятьсот семнадцать! Так что знал, за что дерусь... Меня из этого Сажного взяли на действительную. Служил на Днестре, около границы. В июне поехал было в отпуск, но в Одессе меня и других военнослужащих задержал военный комендант: началась война. Мы вернулись в свои части. Начал движение на восток... Всякое было... Но пушек не бросали! А в начале лета сорок третьего оказался на родине — в Сажном. Чистая случайность...

Случайность... Мне кажется, война — это долгая, тяжелая цепь случайностей. Можно случайно воевать там, где родился, можно случайно разминуться с отцом на прифронтовой дороге, можно случайно нарваться на пулю... Одного нельзя — случайно победить, одолеть врага. Победа — закономерность!

Мы поехали на позицию дивизиона. Дорогу обступил великолепный ячмень. Тишина. Справа кустарник вдоль овражка. Впереди село. Попов все показал:

— Гостищеве, бывший наш райцентр. Вон там был райисполком, милиция, райвоенкомат, откуда уходил в армию... Я занял закрытую позицию. А здесь дворов этих тогда не было. На высоте оборудовал свой НП. Немцы уже вошли в соседнее село Вислое, потом и в Гостищеве, мне их видно хорошо, мог бы... Но зданий жалко! Потом пошли танки, и мы открыли огонь. Стали отсекал пехоту. Отбились... Два танка сожгли. Они, когда од-

ну-две гадины подпалишь, сразу убираются... Вот в Щелокове — да тут рядом, на границе с нашим колхозом, — мы подбили шесть танков. И еще жарко нам пришлось, когда немец бросил на вот этот лесок сотни четыре самолетов, он думал, что на Баран-горе сосредоточилась наша 89-я дивизия. А я стоял в тот раз на прямой наводке у моста, знаете, где сейчас МТФ? Тогда ее не было... Так он нас засыпал бомбами, так уж бомбил, так...

Андрей Борисович замолчал. Тихо шелестели колосья.

— И другой бой был. Озеровка, где сейчас правление колхоза, оставалась у нас за спиной. Там, справа, Сажное, то самое, откуда я родом. Танки идут вот отсюда — в лоб, цепью растянулись. До них двести... сто пятьдесят метров... Все-таки нервы крепкие надо. И красноармейцы выдержали... Вот так и воевали. Ничего, через неделю вперед пошли — до Берлина.

...Поле русской победы! Их много, полей наших побед. И под Москвой, и в степи на подступах к Волге, и здесь, на земле белгородской. Участок фронта у Крутого Лога, под Шебекином, занимал 3-й батальон 214-го стрелкового полка под командованием Андрея Антоновича Бельгина, его считали вспомогательным. Но именно сюда враг бросил 120 танков, 35 из них — «тигры». Бельгинцы на своем «вспомогательном» участке отразили двенадцать атак! Здесь стальной клин вышибали таким же клином — сталь на сталь...

И вот нашли большое поле... Сошлись на виду Прохоровки. Местные сейчас говорят, что «сплошь одно железо было», а в газетах того лета писали, что сошлись на Прохоровском поле около 2 тысяч танков, но в Музее Вооруженных Сил СССР цифра, наверное, точная — 1 200 танков с обеих сторон. И этого хватит, чтобы помнить века! Сошлись 5-я гвардейская танковая армия с танками 3-го корпуса из опергруппы «Кампф». Клин клином! Гвардия против бронированных дивизий СС... Так на так!

На бывший КП П. А. Ротмистрова, ныне Главного маршала бронетанковых войск, часто приводят школьников. Детям нравится: тут все, как было, все тут настоящее, и все же вряд ли дети могут осознать, ЧТО было, и КАК это выглядело тогда, по-настоящему... В амбразуру видно низко выкошенное поле. Метрах в двухстах человек пять с помощью стогометателя вершат большой стог красноватого на закате сена. Положили последние копейки, уехали. Теперь никого. Теперь Расскажи, земля!..

Как тут все было, рассказал первый секретарь Прохоровского райкома комсомола Николай Шевелев. Он проезжал на мотоцикле мимо, остановился, поинтересовался, кто, откуда. И охотно рассказал мне о бое — парень 1948 года рождения:

— Тут тоже дуга образовалась. Смотрите, видите село? Это Береговое, а там Прелестное, а там Беленихино. Отсюда 5-я гвардейская танковая армия пошла на запад, на город Золочев. Ей очень тяжело пришлось. Армия сюда была переброшена в самый последний момент из Острогожска и вступила в бой прямо с колес, не дожидаясь тылов, по сути, не разворачиваясь. К исходу недели наши уже не везде сдерживали натиск врага, кое-где оборона проминалась. И тогда-то прибыли танкисты Ротмистра. С ходу в бой. Даже без авиаприкрытия! Это дорого обошлось армии, но танкисты дрались и нередко шли танк в танк, на таран. Говорят, был солнечный день — 12 июля, но солнца не было!

Чад, копоть, дым, выхлопные газы! Небо закрылось...

Железная сеча не когда-то — в нашем веке. Бой не ради славы, ради жизни...

Жизнь прожить — не поле перейти, говорят. Смотря какое поле. Перейти Прохоровское поле 12—13 июля означало жить. Жить всем нам, и нашим детям, и детям наших детей. Танкисты Ротмистра перешли Прохоровское поле. Не все... Тысячам победа стоила жизни... Большое поле. Я шел через него долго — шел словно через все двадцать пять лет, через тысячи оборвавшихся жизней...

— Ребята, что за село?

— Кочетовка.

Та самая? Здесь был КП 6-й армии. И здесь были немцы — недолго, быть может, считанные часы, но были. Парни рассказывают, что с этой вот церкви бил немецкий пулемет. Вражеские цепи шли от Долгого леса, а на окраине села, вот здесь, в Мальцевом логе (в Кочетовке живет много Мальцевых), сошлись с нашими гвардейцами рукопашную...

— У нас тут до сих пор война клыки показывает, до сих пор мины рвутся, — рассказывает председатель колхоза «Красное знамя», старожил и старый солдат Роман Викторович Свитченко. Его послушать — словно гусяра былинного. Знание жизни, законов мира и войны — всего, что ждет земля от человека, — чувствуется в каждом слове председателя. Колхоз «Красное знамя», село Прелестное, неподалеку от Прохоровки. Здесь эпицентр Прохоровского сражения. Он так и сказал: «эпицентр», — старый председатель.

— Мины у нас до сих пор тут рвутся. То плугом кто зацепит, то комбайн хедером подхватит. Бугры недавно распахали для трав — кости, ремни с медальонами выпахали. В медальонах — адреса. Школьники собирают, сообщают о новых могилах родственникам в Казахстан и Сибирь, в разные уголки России.

...Гитлер 4 июля 1943 года, обращаясь к своим солдатам, заклинал: «С сегодняшнего дня вы становитесь участниками крупных наступательных боев, исход которых может решить войну... И вы должны знать, что от успеха этого сражения зависит все».

Все и решилось здесь. В нашу пользу.

Разогнув Курскую дугу, Советская Армия лишила гитлеровцев возможности устроить нам курский котел. Зато, выиграв Прохоровское сражение, одолев немцев в той сече под Прелестным, русская армия устроила котлы в Томаровке и в самом Белгороде!..

Путь наш из Прохоровки через Прелестное и Кочетовку лежал в Ивню — к В. Я. Стороженко. Василий Яковлевич искренне смущен, что снова и снова обращаются за воспоминаниями к нему. Вокруг столько ветеранов войны — участников боев на Курской дуге! В соседнем, Яковлевском районе их более восьмидесяти. В Ивнянском не меньше: председатель лучшего здешнего колхоза, аспирант Георгий Федорович Мухин, учитель Петр Михайлович Шатохин, кавалер трех орденов Славы Алексей Галушкин, диспетчер автобазы Мария Федотовна Калкутина — она всю войну за «баранкой»... Солдаты, орденосносцы, герои минувшей войны, Их много... И Василию Яковлевичу Стороженко не очень ловко давать интервью одному за всех ивнянцев. И все-таки неудержимо тянет нашего брата к этому обаятельному и скромному человеку. Он ровесник комсомола и сын комсомола, встретил войну в танковых частях. Это и о нем, о его друзьях пели мы все до войны: «Три танкиста, три веселых друга...» Первое крещение — в июне сорок первого, на западной границе. В лихие те дни наши армии с боями, огрызаясь, откатывались назад, но уже тогда, за бои летом 1941 года сержант Стороженко был награжден орденом Красного Знамени. Потом оборона Москвы. Здесь родилась первая наша танковая гвардия. 2 ноября — помнит Василий Яковлевич. А в декабре за победу под Москвой сержанту — второй орден Красного Знамени.

— Ну, а потом, — улыбается Василий Яковлевич, — до Берлина. На танке, конечно! Метров восемьсот до рейхстага не доехал — и конец войне...

Но дорога к рейхстагу лежала через Ивню, через Белгород, Днепр, Белую Церковь, через бывший Станислав, где началась для него война 22 июня... Долгая дорога к победе.

Стороженко суховато замечает:

— Девять танков здесь подбил мой экипаж. Да, девять... Из них два «тигра». Но все это сделал не я — экипаж! Я тогда, в июле, уже не за орудием сидел, а был командиром роты. Нет, я не приbedняюсь, у меня на личном счету двадцать шесть не-

мецких танков за время боев на Украине, а главное, под Москвой... Здесь, в Ивне, мы стояли долго. Готовились к обороне и к предстоящему контрудару тщательно. Меня из сержантов в офицеры произвели, дали мне роту...

Мы поднялись за ивнянскую больницу, в лес.

— Больница тут же была, где и сейчас. В ней штаб нашего полка расположился... Вот здесь мы вырыли капониры, поставили танки... Лес был тогда старый, еще графа Клейнмихеля, сосны чуть не вековые. Позже их срезали, из них сделали сборный мост и везли его с собой до Днепра — там он нам очень пригодился. А теперь дуб растет...

Нет, удивительна все-таки судьба этого человека! Тысячу раз летел в стальной коробке навстречу смерти, шесть машин сгорело у него за войну, вот здесь закапывал машины своей знаменитой «железной роты», отсюда ушел в смертельный бой. И снова он здесь, на солнечной поляне, среди теплых стволов дубков, среди земляники, совсем еще не старый (без единой царапины вернулся с войны!). Наверное, это и есть счастье. Наверное, потому и не позволяет Василий Яковлевич ни капли особого внимания к своей персоне. Слишком многих товарищей потерял, слишком о многих ранах знает и сейчас: он заведует районным отделом социального обеспечения. Ему, нестарому и здоровому, неприятно, когда лезут с расспросами о наградах. Награда — жизнь, вот это село, в которое он вернулся двадцать лет назад из Германии.

— Зачем?

— Тут целый роман! Дело было в те дни, когда мы к обороне готовились. Молодые мы все были, сидели здесь на опушке и смотрели на мирную жизнь прифронтового села. На девушек тоже смотрели. Почти у каждого была своя, чем-то ему приглянувшаяся... Когда я уходил с ротой в бой пятого июля, то... ну, в общем, я обещал моей остаться живым и вернуться... Жену мою Анной Афанасьевной зовут...

Две клятвы дал солдат: вернуться на границу, которую взломал сильный враг, и вернуться к девушке прифронтового села Ивня, Белгородской области. Обе клятвы Василий Яковлевич Стороженко сдержал.

— Нас подняли по тревоге пятого июля. Шестого мы были в резерве. Сіжу я на танке, поглядываю туда-сюда в бинокль — ползут... Земля от танков прогибалась. И впервые «тигры». Пятнадцать атак отбили. Это было у хуторка возле села Сырцова. Семьдесят пять шли на нас. Отбились. Ни одной своей машины не потеряли. Тут никакого чуда нет. Мы три месяца по всей округе готовились. Куда ни бросишься, всюду наши капониры, укрытия. А седьмого июля вот случай был! Моя—

первая рота, а немцы с утра наскочили сослепу на соседа — на вторую роту. Там высотка, они и полезли. Мне выйти вперед овраги мешают. Тогда я свою роту развернул да фрицам во фланг ударил. Видел я их как на ладошке. Ну, и мы им дали — тридцать шесть танков сожгли... Восьмого и девятого июля еще дрались двумя ротами, а десятого июля мою роту передали из нашего восьмого мехкорпуса в другую часть и бросили в район села Верхопенье. Тут недалеко. Там сейчас тракторная будка как раз стоит. У меня десяток моих танков, а немцы вышли — не поверите — сто восемьдесят. А тут еще одна наша машина на подходе подорвалась... Но выдержали. Гвардия... Три атаки выдержали. Потом подоспела артиллерия, а тут и «катюши» ударили. В общем, продержались. Задачу выполнили. Тогда-то мой экипаж и подбил девять ихних танков, из них два «тигра». Я получил орден Отечественной войны. Танк наш сгорел. Отбивал четвертую атаку — и тут мотор у нас навывлет пробил. Танк как вкопанный. Мишень. Весь комплект расстреляли. «Заводи!» Не заводится. До матюков дошло... Смотрим — дыра в моторе. Тогда механику приказал открыть краники, полилось горячее. Мы выбрались. Вокруг ад... Машину свою подорвали гранатами. Мой экипаж: механик Иван Пудов, командир орудия Федор Косых, радист Сашка Торбин, он же и заряжающий. Так вот, те девять танков — их работа...

...Пшеница, пшеница, ячмень, страда в деревнях. Мы празднуем день большой победы 5 августа. А люди, те, кто не забыл, что такое война, говорят о днях 5—6—7 июля, о днях жестокой обороны, великого противостояния на Прохоровском плацдарме. О нем помнят. Здесь, на срединной русской земле, отцы наши учинили побоище врагу. Дальше немец не прошел. Я сумел побывать только на Прохоровском плацдарме, а ведь еще есть и многострадальная, многославная земля Курска, Обояни, Поньрей, Мценска и Орла... И еще есть тысячи славных живых и павших солдат. И среди них ни одного неизвестного: всех знает Родина, потому что всех помнят матери. Потому что война не знает забвения. Мы будем помнить о ней. Только бы ее не было.

ШЕСТЬ МИНУТ

...Мы на квартире одного из тех, кто в августовскую полночь 1943 года дирижировал торжественными залпами первого салюта в честь освобождения от фашистских захватчиков Орла и Белгорода. Даниил Арсентьевич Журавлев, генерал-полковник артиллерии запаса, в ту пору командовал Московским фронтом ПВО, оборонявшим небо Москвы.

Навстречу нам поднимается уже немолодой, с седеющей гривой густых волос, высокий, бравый, спортивного вида человек.

— Вы спрашиваете, почему именно 12 залпов из 124 орудий прозвучали в ту августовскую ночь? Дело прошлое, но и тогда, когда меня вызвали в Государственный Комитет Обороны и спросили, знаю ли я, как производить салюты по случаю победы, я чистосердечно признался, что никогда не приходилось с подобными салютами дело иметь. Меня уведомили, что времени осталось мало, салют надо произвести сегодня же и я должен принять все необходимые меры.

Все те годы, с первого дня войны, ко мне обращались с одним-единственным вопросом: готов ли я к отражению воздушного налета на Москву? В течение ноября 1941 года враг совершил 41 воздушный налет на столицу. Бывало и так, что стволы зениток нам приходилось направлять на наземные цели. Все это я к тому вам говорю, чтобы вы получили представление, каким странным показался мне в тот августовский день вопрос: «Есть ли у вас холостые снаряды?» Все наше внимание было сосредоточено на том, чтобы иметь на батареях побольше боекомплектов. Батареи почти все время находились в боевой готовности номер один. До августа сорок третьего ни разу никто и не вспоминал даже о существовании холостых снарядов, которыми мы пользовались в мирное время на учениях. И вдруг: «Есть ли у вас холостые снаряды?» Обыскали все склады и с трудом набрали немногим более тысячи штук. Тут я вспомнил, что в мирное время на военных парадах отдавались салюты в Кремле. Я немедленно позвонил коменданту Кремля, спросил, нет ли у него холостых снарядов. «Как же,— ответил он,— имеются...» «А для

каких пушек?» «Для наших, горных, из которых мы обычно давали праздничные салюты». «А сколько их у вас?» «24 штуки», — ответил комендант.

Ну и прекрасно. Тут же я мысленно прибавил эти 24 к сотне своих орудий, которые собирался взять на разных батареях. Взять, да так, чтобы не нарушить сложной системы противовоздушной обороны столицы. Я мог теперь доложить, что салют будет произведен 12 залпами из 124 орудий. Повторяю: 100 наших и 24 горных, кремлевских. Теперь вы знаете происхождение двух этих цифр.

Но рассказ этот не был бы полным, если б я не вспомнил еще одно обстоятельство. Вы, наверное, слышали, что в разгар войны бойцами Московского фронта ПВО стали более 20 тысяч девушек. Это были главным образом студентки. И вот, вернувшись из ГКО, я вызвал одну из них — Веру Владимирскую. Я помнил, что пришла она к нам из МГУ, где училась на третьем курсе исторического факультета. К Вере я обратился с тем же вопросом, с которым обратились ко мне в ГКО. Я спросил у нее, что ей известно о салютах. Она ответила, что последний экзамен в МГУ сдавала в первый день войны, но о салютах на факультете у них ни разу ничего не говорилось. И тут же добавила: «Если хотите, я сбегаю в Ленинскую библиотеку, тем более что у меня со студенческих лет сохранился читательский билет, и там подберу соответствующую литературу». Я предупредил ее, что времени для изучения этого вопроса мало — не более двух-трех часов.

— Какие же бывают салюты? — спросил я, как только Вера вновь показалась на пороге.

— Морские и победные.

— Меня интересуют победные.

И тут начался ее рассказ об истории салютов, рассказ, который неоднократно прерывался телефонными звонками по поводу того же салюта.

Салют начался в полночь и продолжался шесть минут.

Сейчас Вера Ивановна Владимирская вновь в стенах Московского государственного университета: она преподает историю. Но вряд ли кто-либо из ее нынешних студентов знает, что их преподавательница внесла и свою лепту в ту историю, которую сейчас читает на кафедре...

— Изменилось ли количество орудий и залпов после первого салюта? — спросили мы у генерала.

— Как же! Был взят Харьков. И тогда решили в честь этой победы дать 20 залпов из 224 орудий. Вскоре вошли в жизнь три категории салютов. Первая — 24 залпа из 324 орудий, вторая — 20 залпов из 224 орудий, третья — 12 залпов из 124 орудий.

— Где же вам удалось раздобыть столько холостых снарядов?

— О, после первого салюта была создана, можно сказать, целая «салютная индустрия»! Заготовили громадные партии холостых снарядов, ракет и т. д. Бывало и так, что в один и тот же день отдавали несколько салютов, а в день Победы 9 мая 1945 года дали салют 30 залпами из тысячи орудий.

Вернемся, однако, к началу нашей беседы. Мы упомянули, что первый салют продолжался шесть минут. Почему именно шесть? А вот почему. Меня спросили, в каком темпе я думаю производить салют. И я ответил: через 30 секунд один выстрел. Вот, сложите все эти тридцатки или, вернее, умножьте на 12 залпов, и получится шесть минут!

У МЫСА ЛЮБВИ

Три загадочные буквы, словно пароль,— ОВЗ. Я их услышал осенью сорок первого года на Южном фронте, в тревожную пору, когда хваленая немецкая танковая армия Клейста остервенело рухнула к Ростову. Что за таинственные буквы?

Мне, тогда военному корреспонденту «Комсомольской правды», приходилось писать в свою газету о защитниках Ростова, отражавших удар бронированного неприятельского кулака. И вдруг узнаю, что где-то в камышовых зарослях Дона отважно и лихо действует ОВЗ. Донесения о его боевых делах тщательно зашифровывались и с фронтового узла связи передавались в Генштаб.

ОВЗ! Это звучало как-то необычно — отряд водных заграждений! Он был придан кораблям Азовской флотилии, этот поистине летучий, неуловимый отряд, отменно маскировавшийся, как смерч, налетавший на вражеские позиции и так же незаметно уходивший от противника, наводя в его стане переполох и панику. Очень хотелось рассказать читателям «Комсомолки» о храбрецах в бескозырках и тельняшках. Но майор оперативного отдела штаба Южного фронта уклончиво отвечал: «Дислоцируется ОВЗ на Дону. Вот вам и все координаты. А где конкретно, аллах ведает. Ищите сами. Учтите, однако, что противник пока не знает о существовании этой воинской единицы...»

Неоглядная дельта реки. Рукава, проливы, дремучие камыши, островочки с плакучими ивами, заросшие красноталом, нежно-желтые песчаные косы. Где-то здесь шныряют переодетые в форму советских бойцов немецкие диверсанты, выброшенные в Дон на резиновых лодках. Мотор нашего челнока выключен, идем на веслах. Над камышами жужжат трассирующие пули. Откуда ни возьмись сторожевой катер со станковым пулеметом на носу и хриплый окрик: «За-во-ра-чи-вай!.. Кто та-кие?.. В лодке сидеть на месте. Ясно-о?» Знакомство происходит буквально под дулом пулемета. Командир отряда, плотный человек с обветренным, строгим, гладко выбритым лицом, с ямочкой на подбородке, в морской фуражке с поблескивавшим «красом» у ко-

зырька, придирчиво проверив наши удостоверения, вдруг задумчиво роняет: «Откровенно сказать, не думал, не гадал, что буду давать интервью своим коллегам по перу...» Поймав наш недоуменный взгляд, пояснил: «Надеюсь, вам знакома газета «Машиностроение»? Ваш покорный слуга до войны представлял этот орган. А с «Комсомолкой» у меня старые связи. На Московском тормозном заводе я когда-то был секретарем комсомольской организации, избирался даже на IX съезд ВЛКСМ делегатом. Ну, а теперь, как и вам, пришлось сменить гражданскую одежду на военную».

Он представился: майор Цезарь Куников. На Дон прибыл недавно. 14-й отряд водных заграждений формировался в августе на Химкинском водохранилище, отряд сколотили в Москве из добровольцев-осводовцев, парней ловких, здоровых, овладевших в кружках Осоавиахима военными специальностями мотористов, радистов, легких водолазов, подрывников, пулеметчиков. До Дона добрались эшелонам по железной дороге, здесь пересели на сторожевые катера, получили морскую робу, тельняшки, бескозырки, бушлаты, и уже в ноябре московский журналист Цезарь Куников со своим ОБЗ принял боевое крещение: с брющего полета их не однажды обстреливали немецкие «мессеры».

Он просил не торопиться с нашим материалом в газету: «Рано еще. Пока отряд не втянулся как следует в войну».

Он говорил это искренне, без рисовки, без напускной скромности. Цезарь Куников реально оценивал драматическую обстановку, сложившуюся на юге не в нашу пользу, но не роптал, не хныкал. Пригодился его дар газетчика, агитатора, большевика. Он выполнял свой долг, как подобает коммунисту, проявляя волю, решительность и самостоятельность. Командир отряда рассказывал о своих бойцах — москвичах и новобранцах с донских станиц. С хутора пришел на катер парнишка, не нюхавший пороха. В колхозе был учетчиком огородной бригады. Принимая его, майор, улыбнувшись, заметил: «Гранаты, товарищ, не огурцы, а пулемет не капуста». «Да я привыкну и к пулемету,— нашелся огородник.— Примите в моряки, согласен палубу драить...»

Он быстро пообтесался, добросовестно выполнял все, что ему поручали. Матросы научили его окапываться саперной лопаткой, метать гранату, орудовать кинжалом и штыком в рукопашной схватке. Овладел он и пулеметом. «У парня фамилия забавная,— сказал нам майор.— Павел Потеря. А наши остряки прозвали его Находкой. Ходил уже в разведку. Хлопец подходит для десанта физически и морально...»

О Павле Потере я снова услышал трагическим летом сорок второго года, когда немцы второй раз заняли Ростов. ОБЗ почти

последним оставлял город. Кто-то вспомнил, что видел в краеведческом музее, как экспонат, пулемет «максим». «А стрелять из него можно?» — поинтересовался командир. «Совсем исправный», — ответил ему. То было историческое оружие. Из этого «максима» красногвардейцы стреляли в семнадцатом году по Зимнему дворцу. С буденновской тачанки этот же пулемет строчил по врагам революции. После гражданской войны решили выставить «максим» в ростовском музее. Цезарь Куников, узнав биографию легендарного пулемета, вручил его Павлу Потере. «Держи и до самого Берлина не расставайся с «максимом». «Будет сделано, товарищ командир», — отчеканил пулеметчик.

Выбор майора не случайно пал на этого бравого парня. Павел добывал «языков», в бою принимал самостоятельные решения, обладал крепкой силой, ловкостью. Шли бои за Темрюк. ОВЗ преобразовали в батальон морской пехоты. Сменились и наши журналистские удостоверения: был Южный фронт, а теперь — Черноморская группа войск.

В январе сорок третьего года, заехав в Геленджик, я был немало удивлен, что в курортном поселке Солнцедар встретил своих старых знакомых из ОВЗ. По виду они больше походили на партизан. Ватные стеганые куртки, шапки-ушанки, у поясов — связки гранат, ножи, на груди — автоматы. Странно было видеть их здесь в ответственный момент наступления советских дивизий в горах. Наша 18-я армия, прорвав немецкую оборону, продвигалась через перевалы, тесня врага. Казалось бы, морской пехоте и возглавить наступательный порыв. В чем же дело?

Ночью морских пехотинцев поднимали по тревоге. Вместе с командирами они бросались в ледяную воду, чтобы сесть на мотоботы, на которых до войны рыбаки ловили хамсу, что и дало острьякам повод окрестить их «тюлькиным флотом». И мало кто догадывался тогда, что этому «тюлькину флоту», которым тут командовал капитан 3-го ранга Николай Сипягин, и предстояло сыграть немаловажную роль в исторической операции, разыгравшейся на Мысхако, получившем затем название «Малая Земля».

Под Геленджикум в ту пору готовили и тренировали десантников. Разрабатывалась будущая операция долго, умно, масштабно и дерзко. Даже командиры бригад и полков терялись в догадках. Чем вызваны такие, например, шаги командования: наступавшим двум бригадам морской пехоты — 107-й и 165-й — вдруг был отдан приказ остановиться и перебазироваться в Геленджик?

И тут следует внести поправку в ряд газетных и журнальных статей, очерков, исследований и мемуаров, напечатанных в послевоенный период. Увлеченные подвигами отдельных солдат, матросов, офицеров, авторы этих произведений как бы обкрадывали

вают историю, забывая нарисовать впечатляющую панораму сражений, гремевших на «Малой Земле» не день, не два, а свыше семи месяцев, сражений, тщательно подготовленных командованием и политическими органами 18-й армии.

2 февраля сорок третьего года, в день завершения Сталинградской битвы, был подписан приказ штаба армии, в котором говорилось: «Десант в составе 83-й и 255-й бригад, усиленный батальоном танков и пулеметным батальоном, высаживается в ночь на четвертое февраля в районе села Южная Озерейка. Одновременно высаживается демонстрационный десант в районе Суджукской косы и поселка Станичка...»

В отряде особого назначения было почти триста десантников. Каждый, так было решено коммунистами, должен был своей подписью заверить воинскую клятву перед десантом. И одним из первых расписался под солдатской клятвой Павел Потеря.

— А пулемет возьмешь с собой? — спрашивали у него моряки.

— До Берлина донесу, — отвечал он. — Шутка ли, пулемет революции!

Павел Потеря, как и его товарищи по отряду особого назначения, хорошо усвоил свою задачу: их десант должен был отвлечь внимание противника от основных ударов наших бригад.

«Тюлькин флот» во главе с капитаном 3-го ранга Николаем Сипягиным великолепно сработал. На приглушенных моторах буквально впритирку к берегу Мысхако были подведены мотоботы. Десантники бесшумно высочили на берег, сохранив оружие и боеприпасы. Врага застigli врасплох. Ни сигнальных ракет, ни выстрелов. Десантники прыгают в траншеи, в ходы сообщения, в окопы, забираются в доты, уничтожая огневые точки, пулеметные гнезда, вражеские батареи. Победно над берегом гремит матросская «полундра». Помня наставления командования, майор Куников тут же по радио открытым текстом, чтобы слышал и противник, передает свое первое донесение с Мысхако, с «Малой Земли»: «Полк высадился благополучно, без потерь, продвигаемся вперед. Уничтожаем огневые точки. Жду подкрепления...»

Что касается «полка», то была гипербола, конечно, а вот насчет потерь верно: один убит и трое ранено. Вот и все. По этому поводу десантники потом острили: «С нами ведь был пулеметчик Павел Потеря. Он и избавил нас от потерь...»

Десантники буквально зубами уцепились за крохотный клочок каменной земли возле Станички — четыре километра в длину и два с половиной километра в глубину.

В ту же ночь на берег высадился другой отряд — парашютисты, которых доставил сюда все тот же «адмирал тюлькиного

флота» Н. Сипягин. Однако парашютистам не повезло. Они должны были штурмом взять мыс Любви и разгромить немецкую батарею. Но на мысе стояли отборные эсэсовские части, они сразу обнаружили парашютистов и открыли по ним шквальный огонь. Ни один парашютист в ту ночь так и не добрался до мыса Любви. Не состоялся десант и у Южной Озерейки. Корабли из-за сильного огня противника вынуждены были в ту ночь повернуть в Геленджик.

Гитлеровцы теперь были настороже и уже с рассвета обрушили на западный берег Цемесской бухты огонь из орудий и минометов. Противник понимал, что наше командование любой ценой станет расширять захваченный плацдарм. Враг ожесточился. Горы вздрагивали от бомб. Над бухтой круглосучотно ревели немецкие самолеты. И ночью здесь было светло как днем: немцы с самолетов развешивали «люстры», осветительные ракеты на парашютах, излучавшие ослепительный свет.

И тем не менее Геленджик каждую ночь присылал подкрепление. Люди знали, что враг не дремлет, что их подкарауливает смерть. Но есть воинский долг, есть присяга. И они отправились на «Малую Землю». Не все мотоботы достигали берега. «Тюлькин флот» нес чувствительные потери. Не помогали и дымовые завесы, пущенные нашими торпедными катерами. Сто сорок орудий врага, установленных на высотах, встречали каждый советский мотобот или катер. Попробуй прорвись через такой сплошной огненный заслон! И все же пробивались, презирая смерть.

В ночь с 5 на 6 февраля на «Малую Землю» высаживается 107-я отдельная морская бригада полковника Л. В. Косоногова. Бойцам пришлось прыгать в ледяную воду в 50—70 метрах от берега и вплавь, таща на себе оружие, боеприпасы, добираться до него.

Военный Совет 18-й армии обратился к десантникам с проникновенным воззванием. В траншеях и окопах, под лютым огнем врага десантники отвечали Военному Совету:

«Отвоеванный нами у врага клочок земли под градом Новороссийском мы называли «Малая Земля». Она хоть и мала, но это земля наша, советская, она полита нашим потом, нашей кровью, и мы ее никогда и никакому врагу не отдадим.

Клянемся своими боевыми знаменами, именем наших жен и детей, именем нашей любимой Родины, клянемся выстоять в предстоящих схватках с врагом, перемолоть его силы и очистить Тамань от фашистских мерзавцев.

Превратим «Малую Землю» в большую могилу для гитлеровцев!»

И они до последнего вздоха были верны своей клятве.

Весной 1968 года в Геленджике состоялся слет «малоземельцев». По случаю юбилея: подвигу — четверть века.

Какая это была трогательная встреча фронтовых друзей!

...Василий Федорович Батула. Седой, круглолицый, чуть прихрамывает — метка «Малой Земли». Ныне он начальник связи Черноморского управления рыбной промышленности. В феврале сорок третьего тоже был связистом, начальником связи 107-й отдельной морской бригады, а в конце того памятного февраля его назначили начальником связи десантных войск на «Малой Земле».

— Все донесения и шифровки проходили через мои руки, — вспоминает он. — В рост мы разучились там ходить. Все больше ползали среди камней. А огонь был сумасшедший.

Потом разговор зашел о майоре Куникове. Через девять дней после высадки десанта на «Малую Землю» майора ранило осколком мины. Его отправили в Геленджик, где он и скончался.

— Бесстрашный был... И очень человечный... Каждый день заглядывал к нам в пещеру. Мой ординарец Гришка Клименко, непоседа и сорвиголова, ухитрялся под обстрелом пробираться на берег, ловить бычков и собирать в бухте глушенную бомбами ставриду и камбалу. На уху заглядывал и майор. Он рассказал, что ведет дневники, был страшно опечален трагической судьбой парашютистов. «Если останусь жить, — говорил майор, — непременно напишу о мысе Любви».

Участники слета принесли с собой пожелтевшие от времени листовки, фронтовые брошюры. Незабываемые реликвии! С волнением читаешь письмо Вити Чаленко, 15-летнего комсомольца из 83-й морской бригады. Моряки наступали в район кладбища. Но немецкий пулемет прижал батальон к земле. Кто подавит огневую точку неприятеля? И все вдруг увидели, как худенький подросток пополз вперед. «Вернись, сумасшедший!» — кричали ему моряки. Но Витя продвигался вперед. Вот он уже швырнул гранату, и пулемет противника замолк. Витя уже слышал восторженные крики десантников. Еще мгновение — и они будут рядом. Но он не дожид до этого мгновения: снайперская пуля пришла парнишку к земле. В кармане его бушлата моряки нашли блокнот. На листочке неровными буквами карандашная запись: «Если погибну в борьбе за рабочее дело, прошу политрука Вершинина и старшего лейтенанта Куницына зайти ко мне домой, в город Ейск, и рассказать моей матери, что сын ее погиб за освобождение своей Родины. Прошу мой комсомольский билет, орден, этот блокнот и бескозырку передать ей. Пусть

хранит и вспоминает своего сына — матроса. Город Ейск, Ивановская, 35, Чаленко Таисия Ефимовна. Витя Чаленко». Это о нем, о пятнадцатилетнем комсомольце, была сложена песня:

[illegible]

Интересные подробности о «Малой Земле» рассказал мне Порфирий Александрович Штахановский. Он был заместителем командира 16-го стрелкового корпуса. А до этого? Петроград. 1912 год. Подполье. Рабочий типографии. Печатает «Правду». 1915 год — унтер, взводный, артиллерист. Западный фронт. 1917 год — председатель дивизионного комитета. 1918 год — партия большевиков. ЧК. Подавлял мятеж на фортах Kronstadt. Затем стал комиссаром форта. Мирное время — борьба с бандами, ликвидировал во время коллективизации повстанческие группы на Дону, ездил по станциям вместе с Михаилом Шолоховым. 1941 год — комиссар полка народного ополчения в Ростове. Лето сорок второго — комиссар 30-й Иркутской дивизии.

Я спросил Порфирия Александровича, помнит ли он Павла Потерю:

— Бог ты мой, кто же его не помнит! Он со своим легендарным пулеметом и на мысе Любви отличился...

И тут же протянул мне листовку политотдела 18-й армии.

«В ночь на 10 сентября Павел Потеря высадился в Новороссийске, на мысе Любви. Всем памятные суровые и героические дни боев за Новороссийск. Но не всем известно, что самые ожесточенные и тяжелые бои пришлось вынести бойцам нашего десанта именно в районе мыса, носящего такое поэтическое и мирное название... Три вражеские огневые точки одну за другой подавил из своего пулемета Павел Потеря. Но иссяк боезапас и у него и у его боевых товарищей. Отбиваясь от вооруженных до зубов фрицев, пробившись наши бойцы на «Малую Землю», а Потеря под огнем врага пронес на себе раненого командира.

Через два дня он снова высаживался в Новороссийске и дрался с врагом на улицах города».

— Вам известно, как далёше сложилась судьба Потери? — спрашиваю у Штахановского.

— Жив и здоров. В Ростове командует деревообделочным цехом.

— А его пулемет?

— Когда Потеря был ранен, землей завалило в окопе и пулемет. Но потом его отрыли. Оружие было искорежено. Пулемет отправили в Ленинград. Там он и выставлен...

— Весна сорок третьего года,— продолжал Порфирий Александрович,— была для десантников невероятным испытанием воли, разума, нервов. Только за пять дней, с 17 по 23 апреля, немцы сбросили на «Малую Землю» 17 350 бомб. Посчитайте: в день 3 500 бомб. На клочок земли. Добавьте сюда снаряды противника: за четыре дня 45 тысяч снарядов и 15 тысяч мин. Страшная арифметика. Не правда ли? В ту весну мы проводили на «Малой Земле» собрание партийного актива. К нам ночью на катере прибыл начальник политотдела 18-й армии полковник Леонид Ильич Брежнев. Леонид Ильич побывал непосредственно на огневой линии, в траншеях, окопах, беседовал с десантниками Мысхако, ознакомился с состоянием нашей обороны. Он дал высокую оценку партийно-политической работы в частях корпуса и отметил высокие моральные качества моряков и солдат, передовую роль коммунистов и комсомольцев. Тогда ему и был представлен наш орел, член партии Павел Потеря. Леонид Ильич, прощаясь с Потерей, пожелал ему боевой удачи и заметил: «Буду рад услышать о ваших подвигах на мысе Любви». Павел Потеря и на этот раз оправдал доверие, дрался геройски...

Участники слета малоземельцев побывали на Мысхако. Здесь теперь плантации виноградарского совхоза, который носит имя «Малая Земля». Три года после битвы виноградные лозы тут не давали плодов...

Пришли малоземельцы и на площадь Героев, у самой лазурной бухты, где у причалов швартуются океанские лайнеры и танкеры, деловито снуют катера, буксиры. Здесь, на берегу, под сенью деревьев, стоят два гранитных обелиска — памятники Героям Советского Союза Цезарю Куникову и Николаю Сипягину. А между могилами полыхает на ветру вечный огонь, напоминающий о бессмертии подвига героев «Кубанского Сталинграда».

...Время идет вперед. Каждый час «отмеряют» мелодичным боем свои новороссийские куранты. И исполняют «Реквием» Дмитрия Шостаковича. Звучит над городом суровая музыка, великолепно передающая мысль автора: никто не забыт, ничто не забыто! Это гимн героям «Малой Земли», Новороссийска, мыса Любви...

*М. ПОПОВ,
генерал армии,
Герой Советского Союза*

НА ПОДСТУПАХ К БРЯНСКУ

Наступательная операция, которая привела к освобождению города Брянска от гитлеровских захватчиков, ни по масштабам, ни по результатам не принадлежит к числу наиболее выдающихся операций Великой Отечественной войны, отчего, возможно, о ней до сих пор написано очень мало. Но я вспоминаю об этой операции с особенной гордостью. Ведь Брянск был освобожден при помощи хитрого маневра, реализованного нашим фронтом. И врагу, заглотавшему подsunутую наживку и не сумевшему разгадать замыслы советского командования, не оставалось ничего другого, как спешно убраться из Брянска, даже не успев подорвать подготовленные к взрыву здания и предприятия города.

Однако расскажу все по порядку.

После разгрома немецко-фашистских войск на Курской дуге, на Орловском и Харьковском направлениях гитлеровское командование предпринимало отчаянные усилия, чтобы приостановить дальнейшее продвижение советских армий.

Естественные условия полосы наступления Брянского фронта благоприятствовали противнику. За линией вражеских оборонительных рубежей, которые гитлеровское командование уже давно и весьма основательно готовило, лежали многочисленные реки, текущие с севера на юг, с высокими, хорошо укрепленными врагом западными берегами, такие, как Десна, Болва, Беседь, Ипуть, Сож, Днепр, речушки и болота, а главное — густые массивы Брянских лесов, создававшие крайне неблагоприятные условия для действий танков, авиации и артиллерии.

Сам Брянск, который Гитлер приказал удерживать любой ценой, расположен, как известно, на высоком и крутом западном берегу Десны, который господствует над заболоченной поймой реки. Здесь, на западном берегу, в районе города гитлеровцы создали мощный оборонительный пояс. И всякая попытка штурмовать город в лоб заранее обрекалась на неудачу.

Об этом меня особо предупредил по телефону Верховный Главнокомандующий И. В. Сталин. Предварительно осведомив-

шись, приходилось ли мне бывать в Брянске (на это я ответил отрицательно), И. В. Сталин обрисовал расположение города и категорически запретил пытаться взять его лобовым ударом.

— Изыскивайте возможности обходных маневров, — сказал он в заключение. — Но при этом не забывайте и о сложности действий в Брянских лесах!

Учитывая условия, в которых приходилось вести наступление нашему фронту, Ставка Верховного Главнокомандования так сформулировала задачу: развивая наступление в общем направлении на Брянск, к концу августа выйти к Десне, форсировать ее северо-западнее и южнее Брянска, овладеть Брянским плацдармом и лишь после этого — Брянском. После взятия города нам предстояло продолжать наступление на Гомель.

Задача эта была не из легких, принимая во внимание природные условия, а также численность и состояние войск, которые должны были принять участие в операции.

В состав Брянского фронта входили пять общевойсковых армий, одна танковая и одна воздушная, кавалерийский и два артиллерийских корпуса, одиннадцать полков знаменитых «капуст» — гвардейских минометных частей (сокращенно ГМЧ) и других технических частей.

Но, хотя число наших соединений превосходило количество соединений противостоящего врага, фактического превосходства в силах мы не имели. Войска фронта в ходе почти полуторамесячного наступления (которое началось еще 12 июля) понесли большие потери и были утомлены. Расстояние от баз до передовой достигло двухсот километров. Необходимые войскам грузы приходилось подавать в основном по разбитым фронтовым дорогам. Ощущался острый недостаток боеприпасов, особенно артиллерийских снарядов, отчего при преимуществе в количестве артиллерии мы не могли создать преимущества в огне.

Однако войска фронта, воодушевленные благодарностью Родины и первым в истории Великой Отечественной войны салютом за взятие города Орел, не снижали темпов наступления.

Партийные и комсомольские организации и политорганы неустанно вдохновляли воинов на новые подвиги. И этот наступательный порыв войск мы, разумеется, принимали во внимание, планируя операцию. К тому же в Брянских лесах действовали прославленные партизанские бригады и соединения. Мы считали помощь партизан немаловажным фактором успеха предстоящего наступления и, как показали последующие события, не ошиблись.

Наш первоначальный план выполнения директивы Ставки состоял в том, чтобы нанести два удара на флангах: один — из

района Жиздры в направлении Дятьково, Шамордино, другой — из района Ревны на Орменку.

План этот, однако, не удался. Войска, наступавшие из района Жиздры, не смогли преодолеть основательно подготовленную, плотную вражескую оборону, тройную линию которой, как выяснилось позже, гитлеровское командование закодировало под названием «рубеж Хаген». Сильно пересеченная местность не давала возможности вести наблюдение и, следовательно, подавлять оборону противника ударами авиации и артиллерии. А прорвавшиеся местами части были лишены поддержки танков, которые не могли действовать в дремучих лесных дебрях.

Словом, наступление потерпело неудачу. Требовалось искать иное решение.

Прежде всего мы решили отказаться от двух ударов и сосредоточить усилия фронта на одном направлении. Каком именно? Откровенно говоря, выбирать было почти не из чего. Единственный участок, который подавал в этом смысле кое-какие надежды, находился юго-западнее города Кирова, который лежал в полосе 10-й армии, входившей в состав Западного фронта (командующий В. Д. Соколовский). Здесь оборона противника была вынесена на полтора-два километра от опушки леса, а сами леса не так густы, как те, с которыми нам пришлось иметь дело у Жиздры. Правда, на лесных просеках с наблюдательных пунктов ясно просматривались завалы, которых можно было ожидать и в глубине леса. Однако делать было нечего. Здесь все-таки была надежда смять оборону врага, на плечах его отступающих войск ворваться в леса и продолжать развивать наступление.

Командарм-10, мой однофамилец генерал В. С. Попов, с которым я был хорошо знаком еще до войны, согласился, что удар из района города Кирова возможен и целесообразен. Однако сам В. С. Попов помочь нашему наступлению не мог: 10-я армия находилась на второстепенном направлении Западного фронта, который готовился к наступлению на Смоленск, и сидела на голодном пайке, не получая ни пополнения, ни снарядов.

Доложили Ставке. Она согласилась с нашими соображениями и несколько изменила разграничительную линию между Брянским и Западным фронтами, включив город Киров в нашу полосу. Затем мы начали скрытную перегруппировку войск, которая потребовала напряженной творческой работы командования и штабов всех степеней. В первую очередь в район Кирова перебрасывались две армии: 50-я — генерала И. В. Болдина и 3-я — генерала А. В. Горбатова, а также 2-й гвардейский кавкорпус, которым командовал генерал В. В. Крюков.

Пока шла перегруппировка войск, мы тщательно уточнили все сведения о противнике, и днем и ночью в бинокли и стереотрубы исследовали его оборону, которая, кстати сказать, и здесь, под Кировом, просматривалась слабо. Тем не менее удалось заметить мощные лесные завалы на опушках. В глубине леса их было, несомненно, еще больше.

4 сентября я принял решение основательно прощупать оборонительные рубежи противника — провести разведку боем. Для этой цели мы отобрали четыре батальона во главе с надежными командирами. Разведка боем — операция не простая. Противник должен быть уверен, что мы идем в решительное наступление — только в этом случае он раскроет все свои хитрости и секреты и обнаружит (а следовательно, их можно будет и подавить!) замаскированные огневые точки и артбатареи, которые приберегает до поры, чтоб неожиданно обрушить огонь на наступающие войска.

Однако и разведка боем не дала обнадеживающих результатов. Наблюдая за ходом наступления батальонов, я убедился, что и здесь, под Кировом, враг основательно подготовил оборону: повсюду были хорошо подготовленные траншеи, дзоты, развитые проволочные заграждения и минные поля. Все это поддерживалось хорошо организованным минометным и артиллерийским огнем. К тому же пленные, захваченные наступающими батальонами, не принадлежали к частям, расположенным здесь ранее. А это наводило на мысль, что от противника не укрылась наша перегруппировка, что он разгадал наш замысел, подтянул на этот участок новые войска и ждет нашего наступления в полной готовности.

Однако командиры батальонов, принимавших участие в разведке боем, заверяли, что оборону врага здесь прорвать можно. И хотя это не могло рассеять возникших у меня опасений, я отдал приказ готовить наступление. Тем более, что южнее Брянска наши соединения, которым активно помогали партизаны, ворвались в леса и теснили противника к Десне.

Ночью 5 августа вместе со штабом фронта мы продолжали тщательное изучение обстановки в нашей полосе и у соседей. Настроение у меня было невеселое: я, разумеется, был уверен, что оборону врага под Кировом мы прорвем. Но какой ценой? Судя по всему, крупных потерь избежать не удастся.

Мое внимание привлекла одна незначительная, казалось бы, деталь: командарм-10 В. С. Попов информировал, что 4 сентября его войска овладели двумя важными командными высотами в районе Дубровки — местечка, которое лежит на север от Брянска. При этом в плен были захвачены нестроевые солдаты противника. Я задумался: как мог В. С. Попов, который, как я

прекрасно знал, не располагал ли достаточным количеством людей, ни боеприпасами, провести такую операцию? И почему вражеские солдаты, захваченные в плен, нестроевые?.. А не под Дубровкой ли то самое место, откуда враг не предполагает нашего удара?

Я тут же сел в машину и поехал на командный пункт В. С. Попова, который находился неподалеку от КП нашего фронта.

В. С. Попов подтвердил все мои догадки. Вместе с ним мы въехали в район Дубровки, ознакомились с обстановкой. Было ясно: именно отсюда следует наносить удар. Для прорыва слабой обороны врага в этом районе много войск не потребуется. За одну-две ночи можно подтянуть две-три дивизии, 2-й гвардейский кавкорпус и полки ГМЧ. С этими силами вполне можно начинать наступление... Что касается авиации, она в перегруппировках не нуждается. А ствольную артиллерию командарм-10 согласился предоставить свою, разумеется, при условии, что мы обеспечим ее снарядами. На обратном пути я соображал, как лучше обмануть противника, убедить его, что мы не меняем своих намерений и готовим наступление в районе Кирова. Ствольную артиллерию нашего фронта, думал я, чтоб не привлекать внимания противника к перегруппировке, оставим под Кировом. Пусть ведет огонь по прежним целям. Командующему 3-й армии поставим задачу всемерно сковывать противника под Кировом и перейти в наступление, как только враг ослабит свою оборону и начнет перебрасывать подкрепления в район Дубровки. А дивизии, которые будут наступать под Дубровкой, возьмем из 50-й армии.

Словом, еще по дороге домой у меня зародился план, который, как мне казалось, мог сбить врага с толку...

Вернувшись на командный пункт, я прежде всего созвонился с командующим Западным фронтом генералом В. Д. Соколовским. Он согласился с моими соображениями, не стал возражать против временной «аренды» полосы 10-й армии войсками нашего фронта.

Более трудный разговор по телефону мне предстоял со Ставкой: неприятно во второй раз просить изменить направление удара. Тем более, что в Военном Совете фронта мнения по поводу изменения сроков и района прорыва разделились, кое-кто из членов Военного Совета, в частности Л. З. Мехлис, высказался против такого решения.

Но я был убежден, что именно здесь, под Дубровкой, мы быстро добьемся успеха, а главное — не понесем больших потерь. Совесть подсказывала: надо звонить в Ставку.

Заместитель начальника Генерального штаба генерал А. И. Антонов, которому я доложил свои соображения, ответил, что

утверждение нового решения требует санкции И. В. Сталина. Пока я ждал окончательного ответа, штаб фронта приступил к подготовке и планированию операции у Дубровки.

Около 13 часов 5 сентября позвонил И. В. Сталин.

— Ручаетесь ли вы за успех под Дубровкой? — спросил он.

— Ручаться полностью трудно, — отвечал я. — Но это наиболее целесообразное решение. Приложим все усилия, чтобы перехитрить немца.

— Ну что ж, действуйте. Постарайтесь начать наступление не позже седьмого сентября...

Дальнейшие события показали, что нам удалось обмануть врага. Наступление под Дубровкой началось в 11 часов 7 сентября после мощного удара бомбардировочной авиации и основательной артподготовки, в которой главную роль играли полки ГМЧ. Наша пехота, поддерживаемая танками и штурмовиками, устремилась в атаку, не встречая организованного сопротивления. В самое короткое время и почти без потерь оборона врага была прорвана. Командарм-3 доносил, что под Кировом на стороне противника никаких передвижений не отмечается. Это означало, что наш удар был для врага полной неожиданностью.

Я отдал распоряжение ввести в прорыв 2-й гвардейский кавалерийский корпус. Мимо КП 50-й армии, с которого я наблюдал за ходом боя, крупной рысью, вздымая пыль, промчались конники.

В небе над Дубровкой появилась десятка «юнкерсов», но, встреченная мощным огнем зенитчиков, повернула вспять. Один из «юнкерсов» был сбит. Взятый в плен гитлеровский летчик, увешанный железными крестами, фашистский ас, который, как выяснилось, был командиром этой десятки, растерянно рассказывал, что он готовился к вылету на Киров, как вдруг, перед самым стартом, его десятке приказали лететь на Дубровку.

Около 14 часов позвонил генерал А. И. Антонов. Слышимость была хорошая, и я подробно доложил ему, как развиваются события.

— Значит, я могу порадовать командование? — спросил А. И. Антонов.

— Конечно, можете. Дело идет хорошо, мы немцев тут наверняка обыграем.

Лишь днем 8 сентября противник разобрался что к чему, понял, какая угроза нависает над ним с тыла, и под прикрытием дымовых завес стал отводить свои войска из-под Кирова. Третья армия генерала Горбачева начала настойчивое преследование отступающего врага.

Конечно, не обошлось и без осложнений. Воспользовавшись тем, что конники 2-го гвардейского кавкорпуса, быстро продвиг-

гаясь вперед, оторвались от наших наступающих стрелковых дивизий, враг по образовавшемуся коридору начал отводить свои войска из Брянских лесов на запад, за Десну. Таким образом, кавкорпус оказался отрезанным. Действительно конфуз. Кавкорпус в упорных боях, в которых он израсходовал большую часть боеприпасов, пробился к Жуковке, переправился через Десну, захватил плацдарм на ее западном берегу и продолжает его удерживать. Такой успех! И вдруг мы дали врагу отрезать кавкорпус! Это очень беспокоило и нас и Ставку, и мне пришлось выслушать резкие замечания Верховного Главнокомандующего И. В. Сталина.

Я заверил Верховного, что принимаются все меры, что подтянуты новые стрелковые дивизии и полки ГМЧ, что здесь сосредоточены удары авиации.

— При всех условиях,— заключил я,— с Крюковым завтра-послезавтра мы соединимся. Прощу вас не беспокоиться.

— Ну, смотрите,— последовал ответ.

13 сентября генерал Крюков донес, что на линию его КП вышли стрелковые дивизии и что он направляет их на плацдарм, который его конники отстояли в упорнейших, ожесточенных боях.

Словом, конница в этой операции сыграла важную роль. Мне по этому поводу позвонил С. М. Буденный.

— А еще говорят, что конницу нельзя использовать в современной войне! Присваиваю тебе звание буденновца!

Успех войск 50-й армии и 2-го кавалерийского корпуса вынудил гитлеровское командование поспешно отвести свои войска, противостоявшие 3-й и 11-й армиям Брянского фронта. Преследуя врага, войска 11-й армии с боями преодолели Брянские леса, 17 сентября форсировали Десну, вышли на подступы к Брянску и Бежице и овладели этими городами. Враг, над тылами которого нависала теперь смертельная угроза, под ударами быстро наступающих советских войск не смог их удерживать и, как я уже говорил, поспешно бежал, не успев уничтожить подготовленные к взрыву заводы, фабрики и дома. Жители торжественно встретили освободителей. Вечером столица нашей Родины вновь салютовала воинам Брянского фронта.

А Брянский фронт, не давая врагу передышки, продолжал наступление.

*К. МОСКАЛЕНКО,
Маршал Советского Союза,
Герой Советского Союза,
заместитель министра обороны СССР*

КИЕВ ВЗЯТ!

Всякий раз, когда исполняется юбилей какого-либо события времен Великой Отечественной войны, в котором довелось принимать непосредственное участие, из глубин памяти как бы всплывают характерные подробности и эпизоды самоотверженной борьбы нашего народа. Чем значительнее событие, битва, сражение, тем они ярче проходят перед умственным взором, сохраняя всю свою свежесть, колорит красок и звуков, виденных и слышанных в то время.

Четверть века назад, 6 ноября 1943 года, в канун двадцать шестой годовщины Великой Октябрьской социалистической революции, была освобождена от немецко-фашистских захватчиков столица Украины. Над матерью городов русских заполыхало кумачовое знамя — символ свободы и независимости.

Разгром гитлеровских войск на Днепре, освобождение Киева являются одной из выдающихся побед доблестных Советских Вооруженных Сил. Победа на Днепре вошла в историю войны как продолжение разгрома врага, начатого на берегах Волги и под Курском.

Это историческое событие героических военных лет особенно памятно и близко автору этих строк. Мне довелось принимать в нем непосредственное участие, находясь сначала на посту командующего войсками 40-й армии южнее Киева, а затем — командующего войсками 38-й армии севернее его.

В июле 1943 года на Курской дуге были разгромлены немецко-фашистские войска. Это явилось важнейшим и решающим событием Великой Отечественной войны и имело огромное значение для исхода всей второй мировой войны. Попытка гитлеровской Германии взять реванш за Сталинград и сохранить от распада блок фашистских государств потерпела полный провал. Поражение огромной ударной группировки, до предела насыщенной новейшей боевой техникой и вооружением, означало крах наступательной стратегии германского верховного командования и окончательную потерю стратегической инициативы.

В битве на Курской дуге противник ввел в бой свыше 70 дивизий, то есть около трети всех своих дивизий, имевшихся на советско-германском фронте. Около тридцати из них, в том числе семь танковых, были разгромлены советскими войсками, потеряли свыше 50 процентов своего состава и были сведены в боевые группы. Общие потери, по немецким данным, исчислялись в полмиллиона убитых, тяжелораненых и пропавших без вести солдат и офицеров. В результате поражения вражеских войск изменилось соотношение сил, особенно на Юго-Западном направлении. Красная Армия начала наступление на фронте от Великих Лук до Черного моря.

Гитлеровское командование перешло к стратегической обороне, к строительству оборонительных рубежей, имея задачу остановить наступление наших войск. Важнейшим из таких рубежей был Днепр, где еще в начале августа началось строительство так называемого «Восточного вала». Фашисты не верили в возможность форсирования нашими войсками такой крупной водной преграды и надеялись отсидеться, залечить свои раны. Геббельсовская пропаганда трубила о неприступности оборонительных сооружений за рекой.

Ставка Верховного Главнокомандования запланировала нанесение мощных ударов по немецко-фашистским войскам. Главный удар наносился на Украине, в среднем течении Днепра. Ведущим направлением считалось Киевское.

Наш Воронежский фронт под командованием генерала армии Н. Ф. Ватутина получил задачу быстро выдвинуться к Днепру. Его ударная группировка в составе 40-й армии под моим командованием и 3-й гвардейской танковой армии генерал-лейтенанта П. С. Рыбалко в первом эшелоне и 27-й армии генерал-лейтенанта С. Г. Трофименко во втором была сосредоточена в центре оперативного построения фронта. Перед ними стояла задача захватить плацдармы на правом берегу Днепра южнее Киева на участке Ржищев — Черкассы. Правофланговая 38-я армия, которой командовал генерал-лейтенант Н. Е. Чибисов, действовала севернее.

После прорыва обороны противника юго-восточнее Ромны наши войска устремились к Днепру в общем направлении на Переяслав-Хмельницкий. Темп наступления непрерывно возрастал и достигал 25—30 километров в сутки. 22 сентября 40-я и 3-я гвардейская танковая армии вышли к Днепру и в тот же день захватили плацдармы на правом берегу реки в районах Ржищев и Великий Букрин.

Патриотический порыв и энтузиазм воинских частей и подразделений, первыми вышедших к Днепру, не могла остановить широкая гладь реки. Не ожидая прибытия понтонных и других

табельных переправочных средств, они начали переправу, действуя с решительностью и быстротой, с неистощимой солдатской смекалкой используя подручные местные средства. В ход пошли лодки, бревна, доски, бочки.

Воины преодолевали огромные трудности, но, несмотря на это, непрерывным потоком переправлялись на правый берег, захватывая новые и расширяя старые плацдармы. Они отражали отчаянные атаки танков и пехоты противника, стремившихся сбросить их с захваченных плацдармов. Все эти попытки противника оказались безуспешными.

Застрельщиками всех начинаний были коммунисты и комсомольцы. Их инициатива и стойкость не имели границ. За сентябрь партийные организации фронта выросли на 12 тысяч человек. В 40-й армии за это время более 2 тысяч человек получили партийные билеты. Большинство работников политотделов было направлено в части и подразделения, которым первым предстояло форсировать реку. Коммунисты и комсомольцы были расставлены так, что они составляли 50—70 процентов всего личного состава передовых отрядов.

Примеров героизма, мужества и храбрости не счесть. Только к званию Героя Советского Союза было представлено свыше 700 воинов нашего фронта.

Яркий пример героизма и бесстрашия показал заместитель командира 1850-го истребительного противотанкового полка 40-й армии капитан В. С. Петров. В ночь на 23 сентября он переправил на правый берег на плотках орудия, боеприпасы и людей. Утром на плацдарме разгорелся жестокий, кровопролитный бой. Днями и ночами не прекращался штурм плацдарма. Атака следовала за атакой. Петров искусно руководил огнем. Много вражеских танков застыло перед позициями орудий, метким огнем артиллеристы уничтожили два шестиствольных миномета. Но враг продолжал насаждать. Вот у одного из орудий погиб весь расчет. Туда бросился Петров со своим ординарцем, и орудие снова открыло огонь. Новая атака врага была отбита. За этот подвиг Петров был удостоен звания Героя Советского Союза. Но Петров был тяжело ранен в обе руки. Врачи ампутировали их и спасли жизнь герою. Но он не оставил родного полка после излечения. Выйдя из госпиталя, он был назначен командиром полка, с которым прошел путь до Одера. Ныне В. С. Петров—генерал-майор, дважды Герой Советского Союза.

Население освобожденных приднепровских сел и местечек радостно встречало части Красной Армии и спешило, чем только могло, помочь нашим солдатам. Рыбаки извлекали из воды запрятанные от врага лодки и передавали их войскам для переправы. Жители окрестных сел по просьбе командования оказали

помощь саперам в строительстве моста через Днепр. Несмотря на большие потери от огня артиллерии и налетов авиации, мост длиной в 700 метров был построен за 11 дней.

Это один из мостов, о которых фашистский генерал Меллентин писал: «Русские навели через Днепр несколько переправ, причем проявили настолько большое искусство в этой области, что сумели построить мосты для переправ войск и лошадей с настилом ниже уровня воды».

К 30 сентября войска правого фланга и центра Воронежского фронта захватили девять плацдармов севернее и южнее Киева. Важнейшими из них были Букринский — южнее и Лютежский — севернее города.

Букринский плацдарм был выгоден тем, что находился в небольшой излучине Днепра, обращенной выпуклой стороной на восток. Благодаря такому положению он мог простреливаться нашим огнем с трех сторон. На этом плацдарме и сосредоточились главные силы 40-й и 3-й гвардейской танковой армий. Позже подошла 27-я армия. Командование Воронежским фронтом решило овладеть Киевом с помощью двух ударов. Главный удар предполагалось нанести с Букринского плацдарма в западном и северо-западном направлениях. Второй удар, с Лютежского плацдарма, наносился в южном направлении. Войска ударных группировок должны были соединиться западнее города, замкнуть кольцо окружения и перерезать вражеские коммуникации.

Наступление с Букринского плацдарма предпринималось дважды: с 12 по 15 октября и затем с 21 по 24 октября, а с Лютежского плацдарма — с 11 по 17 октября. Но добиться крупного успеха нам не удалось, если не считать незначительного расширения обоих плацдармов. Противник сосредоточил здесь пять пехотных, три танковые и две моторизованные дивизии и создал прочную оборону. На конец октября было намечено проведение третьего наступления с Букринского плацдарма, но оно было отменено.

В полдень 22 или 23 октября на Букринский плацдарм, на котором я находился вместе с генералом П. С. Рыбалко, приехал генерал армии Н. Ф. Ватутин. Не успели мы доложить командующему обстановку, как его позвали к аппарату ВЧ. Вызывал Верховный Главнокомандующий И. В. Сталин. Ватутин доложил обстановку на фронте и изложил свое решение о наступлении. Выслушав его, Верховный Главнокомандующий предложил продумать вопрос рокировки 3-й гвардейской танковой армии, а также частей усиления 40-й армии на Лютежский плацдарм, после чего ударом с этого плацдарма овладеть Киевом... Все это требовалось сделать скрытно. Вывести с Букринского плацдарма необходимые подвижные войска и сред-

ства усиления 40-й армии под покровом ночи. А 40-й и 27-й армиям продолжать демонстрацию наступления с прежнего направления. Словом, врага надо обмануть.

Мысленно я удивился: ни одному из нас, командармов, ни командованию фронтом не пришла в голову мысль о рокировке ударной группировки фронта на Лютежский плацдарм к северу от Киева.

Необходимость нового решения вызывалась и тем, что в результате боевых действий в октябре на Букринском плацдарме наиболее сильная группировка противника была сосредоточена южнее Киева, то есть против 3-й танковой, 40-й и 27-й армий.

20 октября наш Воронежский фронт был переименован в 1-й Украинский. 24 октября была получена директива Ставки ВГК о перегруппировке войск на Лютежский плацдарм. В связи с этим были произведены некоторые перемещения командного и начальствующего состава. Я сдал 40-ю армию генерал-лейтенанту Ф. Ф. Жмаченко, а сам принял 38-ю армию, в которую вместе со мной перешел член Военного Совета генерал-майор А. А. Епишев.

План Киевской наступательной операции заключался в следующем.

38-я армия наносит удар с Лютежского плацдарма в южном направлении в обход города с запада.

3-ю гвардейскую танковую армию генерала П. С. Рыбалко и 1-й гвардейский кавалерийский корпус генерала В. К. Баранова предполагалось ввести в прорыв в полосе 38-й армии с задачей наступать в направлении Фастова, Белой Церкви, Гребенки. 60-я армия генерала И. Д. Черняховского наступлением на юг обеспечивала справа действия 38-й армии в районе Киева.

40-я и 27-я армии наступлением с Букринского плацдарма на Белую Церковь должны были сковать и ввести в заблуждение вражеские силы. Они начинали свои действия за двое суток до наступления ударной группировки фронта.

Наземные войска с воздуха поддерживались 2-й воздушной армией генерала С. А. Красовского.

К началу активных действий на Лютежском плацдарме были сосредоточены 38-я и 3-я гвардейская танковая армии.

38-я армия имела четыре стрелковых корпуса: 21-й — генерала В. Л. Абрамова, 23-й — генерала Н. Е. Чувакова, 50-й — генерала С. С. Мартиросяна, 51-й — генерала П. П. Авдеенко, а также 5-й гвардейский танковый корпус генерала А. Г. Кравченко и 7-й артиллерийский резерва Главного командования корпус генерала П. М. Королькова. В составе армии находилась и 1-я отдельная Чехословацкая бригада под командованием полковника Л. Свободы. Всего здесь было сосредоточено свыше 2

тысяч орудий и минометов, а также 500 реактивных установок. На участке прорыва мы имели превосходство в пехоте в 3 раза, в артиллерии — в 4,5 раза, в танках — в 9 раз.

С воздуха нас поддерживали летчики 2-й воздушной армии генерала С. А. Красового.

25 октября началась перегруппировка. Необходимо было перебросить войска с Букринского плацдарма на левый берег Днестра, совершить марш в 150—200 километров и снова переправиться через Десну и Днестр на Лютежский плацдарм. Все передвижения требовалось произвести в ночное время при соблюдении тщательной маскировки. Для этого на Букринском плацдарме были оставлены радиостанции, которые продолжали свою обычную работу, дезинформируя вражеские штабы. Вместо танков и орудий установили макеты. На Лютежском плацдарме, где сосредоточивались войска, также соблюдалась строгая маскировка. Дожди и туманы способствовали сохранению скрытности передвижения войск.

Фашисты проглядели нашу перегруппировку. Они ожидали по-прежнему, что главный удар будет нанесен с Букринского плацдарма.

Первого ноября в штаб армии были собраны командиры корпусов, дивизий, бригад, в том числе и командир 1-й отдельной Чехословацкой бригады полковник Л. Свобода. Совещанием руководил командующий фронтом генерал армии Н. Ф. Ватутин.

Присутствовали первый заместитель Верховного Главнокомандующего маршал Г. К. Жуков, заместитель командующего фронтом генерал-полковник А. А. Гречко, начальник штаба фронта генерал-лейтенант С. П. Иванов, а также члены Военных Советов фронта и армии. Позже прибыл генерал П. С. Рыбалко. Я доложил план проведения операции, который несколько отличался от первоначального. В целях надежного подавления противника мною было предложено сократить участок прорыва на 7—8 километров. Маршал Г. К. Жуков выразил беспокойство: не прощел ли противник в этом случае с флангов огнем наши боевые порядки в такой узкой полосе? Но, обменявшись мнением с генералом армии Ватутиным, согласился с моим предложением: столь высокая плотность артиллерии с полной гарантией обеспечивала надежное подавление и уничтожение живой силы и системы огня противника на всю глубину его обороны.

На совещании мы еще раз разыграли на картах весь ход операции, уточнили вопросы взаимодействия и порядок выполнения боевых задач соединениями армий. После этого был отдан приказ о наступлении.

Наблюдательный пункт штаба армии находился метрах в двухстах от противника, западнее села Новые Петровцы, где

располагался командный пункт армии. Рядом — командующий фронтом. Несколько правее — генерал П. С. Рыбалко.

Накануне наступления всему личному составу был объявлен приказ Военного Совета фронта о переходе в решительное наступление и штурме Киева. Простые, отеческие слова о великой чести освободить столицу Украины, выпавшей на долю нашего фронта, сыграли большую роль в подъеме боевого духа войск. Краткие митинги, прошедшие в частях и подразделениях, еще выше подняли наступательный дух личного состава. У всех на устах были слова: «Освободим Киев к 26-й годовщине Великого Октября».

В 8 часов 3 ноября открыли огонь артиллерия и минометы ударной группировки фронта. 40 минут гремел огневой ураган. Когда пехота, поддержанная танками, поднялась в атаку, она встретила отдельные очаги сопротивления лишь через 2 километра. Передовые позиции противника были буквально сметены. Траншеи, ходы сообщения, огневые позиции, дзоты и доты разрушены. К исходу дня вражеская оборона в полосе 38-й армии была прорвана на глубину до 7 километров. Успешно действовала и 60-я армия генерала Черняховского.

На следующий день в прорыв вошли танки генерала Рыбалко. В середине дня танковые корпуса обогнали пехоту и продвинулись вперед на 8 километров. Обойдя Киев с запада, танковая армия Рыбалко к утру 5 ноября вышла в район Святошина и перерезала шоссе Киев — Житомир.

В этот же день для развития успеха заместитель командующего фронтом генерал-полковник А. А. Гречко организовал ввод в прорыв 1-го гвардейского кавалерийского корпуса генерала В. К. Баранова. В свою очередь, я ввел в прорыв второй эшелон армии — 23-й стрелковый корпус генерала Н. Е. Чувакова. Оба корпуса развернулись на правом фланге армии.

Отважно и дерзко действовали воины всех родов войск. Многие солдаты, сержанты и офицеры в первых же боях показали образцы смелости и беззаветной преданности Родине. Каждый стремился выполнить приказ и принять участие в освобождении Киева.

В течение 5 ноября войска упорно и стремительно продвигались к городу или обходили его с запада и юго-запада. 50-й корпус вместе с танкистами П. С. Рыбалко, перерезав пути отхода противника на запад, вел бои на железной дороге Киев — Фастов. 167-я стрелковая дивизия под командованием генерала И. И. Мельникова ворвалась на западную окраину города в районе кинофабрики. 51-й стрелковый корпус продвигался в северной части города. Части 1-й отдельной Чехословацкой бригады вели бои за вокзал и 5 ноября овладели им. Первым в центр го-

рода ворвался с группой разведчиков гвардии старшина Никифор Шолуденко. Он поднялся на крышу здания Киевского обкома партии и водрузил на нем победное знамя. Но тут вражеская пуля сразила разведчика. За этот подвиг Никифор Никитович Шолуденко был посмертно удостоен звания Героя Советского Союза. Его могила находится в Киеве, на площади Калинина.

К 4 часам 6 ноября наши войска очистили город. Приказ Родины был выполнен. Об этом донес Верховному Главнокомандующему И. В. Сталину его первый заместитель Маршал Советского Союза Г. К. Жуков.

Весть об освобождении Киева быстро облетела всю нашу страну и вызвала огромное воодушевление воинов на всех фронтах.

Столица нашей Родины Москва салютовала доблестным войскам 1-го Украинского фронта двадцатью четырьмя артиллерийскими залпами из 324 орудий. Такой мощный салют был произведен впервые. 14 стрелковым и 3 танковым корпусам, а также 6 авиационным, 2 артиллерийским, одной минометной дивизиям и многим другим частям, особо отличившимся в боях за город, было присвоено почетное наименование—Киевских. Многие части и соединения были награждены орденами. Среди них — 1-я отдельная Чехословацкая бригада, награжденная орденом Суворова II степени. День 6 ноября был радостным для всего советского народа и, конечно, особенно радостным для киевлян, освобожденных от фашистского рабства.

Все уцелевшие жители города высыпали на улицы, плакали от счастья, обнимали солдат и офицеров.

Освободив Киев, войска фронта продолжали стремительное наступление. Небольшой тактический плацдарм под Лютежем был превращен в стратегический размерами 230 километров по фронту и 150 километров в глубину. Мы шли дальше, на запад, освобождать Правобережную Украину, все еще томившуюся в фашистской неволе, шли освобождать народы сопредельных стран, шли к границам фашистского рейха...

ПАМЯТЬ ЗЕМЛИ

Не верится нынче, четверть века спустя, что по этим самым местам водили свои бригады и соединения знаменитые партизанские командиры!

А ведь именно здесь, на Брянщине, в чаще Клетнянского леса, у деревни Мамаевки, стояло лагерем наше партизанское соединение дважды Героя Советского Союза А. Ф. Федорова. Под Злынкой, у разъезда Закопытье, я впервые в жизни принял участие в диверсии на железной дороге — мы сожгли вражеский поезд с бензином. А между селами Николаевка и Кателино, раскинувшимися на берегах Ипути, прорывали кольцо вражьей блокады.

И еще в то далекое время и я и мои товарищи знали, что партизаны взорвали на Десне, под Брянском, знаменитый Голубой мост, по которому шло снабжение вражеской группировки, готовящейся наступать под Курском. Что партизанская бригада имени Сергея Лазо под командованием Тимофея Коротченко разгромила станцию Пригорье, а Первая Клетнянская — ею командовал Федор Данченков — совершила дерзкий налет на деревню Сергеевку, в которой находился дом отдыха гитлеровских летчиков Сецинской авиабазы. Мы знали, что под Дятьковым — партизанский край, работают сельсоветы и райком партии, что под Навлей и Трубчевском действуют крупные партизанские силы под руководством командира Емлютина и комиссара Бондаренко.

Я знал все это и много видел сам. А сейчас еду по брянской земле и невольно спрашиваю себя: впрямь ли все это было? Уж больно мирно вокруг. Гудят тракторы в поле. На колхозных дворах у новеньких кирпичных построек, среди шеренг комбайнов, только что закончивших жатву, суеются озабоченные люди. Свечки водонапорных башен подпирают высокое голубое небо. Стада разлеглись в лугах на полуденный отдых. А по проселкам пылят вереницы грузовиков.

И только памятники, которые встречаются то в селе, то в местечке, то на перекрестках дорог, памятники да еще леса — звонкие березняки и хмурые боры — напоминают о годах военного лиха, о небывалой по масштабу и напряжению всенарод-

ной партизанской войне, которая была поднята здесь, на Брянщине, партией коммунистов.

Никто не остался в стороне от той войны. В леса и в подполье уходили и женщины, и старики, и дети, и здоровые, и больные. Уходили целыми семьями. И далеко не все из этих семей возвратились к мирной жизни без потерь. Кто без сына, кто без внука, бабушки, деда, матери или отца... А то и все до единого сложили головы на партизанских тропах или в гитлеровских застенках.

* * *

Эх, Иван, Иван, стоишь ты над пропастью, у самого ее края, и знаешь, что только один шаг отделяет тебя от гибели! Не глубока та пропасть — всего-навсего высота бочки. Да на шее петля: шагнешь — затянется.

Привязана эта петля к суку старой липы, мимо которой столько раз пробегал и проходил ты с малолетства до этого страшного часа. И кажется, сама липа стонет от того, что невольно помогает казнить тебя...

Кругом враги. Ненавистные серо-зеленые солдаты обступили липу, ждут, когда ты скажешь слово. Слово, которое спасет твою жизнь, но сделает тебя предателем. И люди, согнанные солдатами со всей деревни, тоже ждут, затаив дыхание: скажешь или не скажешь?

— Как твоё имя, где ты живешь? Говори! — в какой раз спрашивает переводчик, повинуясь приказам офицера. — Ты молодой, тебе надо жить... Расскажи, где находятся партизаны, кто здесь связан с ними, назови пароли и явки, и ты останешься жить. Жить! Понимаешь?!

Но ты молчишь...

Никто не знает и не узнает, о чем думал Иван Гаруськин, когда его, окровавленного, привели к старой липе, что растет посреди поселка, привязали к суку веревку, прикатали бочку. Он оттолкнул палачей, которые подхватили было его под руки, сам встал на бочку и сам накиннул себе петлю на тонкую, мальчишескую шею. Но если Иван думал в тот час о прожитой жизни, хоть и немного ее отмерила судьба, ему было что вспомнить.

Ни Иван, ни его сестра Анна, ни мать не спрашивали у главы семейства Игната Игнатьевича Гаруськина, что им надо делать, когда в Белизненский поселок, в котором они жили, вступили гитлеровцы. Отец был коммунистом, и это предопределяло его ответ.

— С чего начнем, батя? — только и спросил Иван.

— С оружия, сынок... Вон его сколько в поле!

Темными, осенними ночами, под дождем, оскальзываясь на топкой земле, отец и сын бродили по местам недавних боев, собирали оружие, оттирали его от ржавчины и от порохового нагара, смазывали, прятали в сарай, под сено, в заранее подготовленную яму. К весне у них был целый арсенал — с полсотни винтовок, несколько ручных пулеметов, два «максима» и около сотни тысяч патронов в цинках и пулеметных лентах. Да еще две пушки-сорокапятки были надежно запрятаны в кустах на берегу Белизны.

Нет, это было непросто — перенести вдвоем такое количество винтовок, пулеметов и патронов. Игнат Игнатьевич был уже немолод, а Иван от рождения хром. И приходилось Гаруськиным делать все это в кромешной тьме, да так, чтоб ни единая живая душа не знала про их ночные походы. Угляди чей-нибудь недобрый глаз сгорбившиеся под тяжелой ношей фигуры отца и сына — и конец. Но никто не углядел, а ежели и углядел — не выдал. Не нашлось в поселке ни одного предателя. Да и не одни Гаруськины собирали оружие.

А в окрестных лесах уже гремели партизанские выстрелы, по селам и хуторам шарили гестаповцы, вынюхивая партизанские связи. Держать оружие в сарае стало небезопасно, и однажды ночью отец и сын вырыли на огороде яму и бережно уложили в нее все собранное. Мать и дочь посадили сверху лук. Утром никому и в голову бы не пришло, что под луковой грядкой — тайный оружейный склад!

Впрочем, на новом месте склад существовал недолго. Командир отряда имени Чапаева (впоследствии знаменитая Первая Клетнянская партизанская бригада) капитан Федор Семенович Данченков, который от верных людей знал, что у Гаруськиных есть оружие, приехал в Белизенский поселок.

— И мы тоже с вами? — спросил Игнат Игнатьевич, когда оружие было погружено.

— Нет, — покачал головой Данченков. — Оставайтесь здесь. Дел еще много. На селе нам каждый надежный человек дорог.

— А я как же? — спросил Иван. — Ведь я тут секретарем комсомольской ячейки был. Что люди скажут? Другие воюют, а секретарь сложа руки сидит?

— Нельзя, — снова качнул головой Данченков. — Говорю тебе: нам свои люди здесь нужны. К тому же...

— А-а! — подхватил Иван. — Думаете, хромой я, так и воевать не могу? Вот и военком отказал. Сколько заявлений подал, чтоб в армию взяли, — не берут. А если на поверку, так я любого здорового перехожу и перебегаю!

— Чудак! Да у тебя здесь столько работы будет, любой партизан позавидует.

Данченков сказал правду. С этой ночи дел у семьи Гаруськиных появилось хоть отбавляй. Чуть не ежедневно отправлялся Иван на станцию Жуковка, где стоял крупный немецкий гарнизон, обходил явочные квартиры партизанских связных, донесения которых доставлял Данченкову и комиссару отряда Илье Кузьмичу Гайдукову.

Такие же задания приходилось выполнять отцу и сестре. А у матери хватало забот дома: группы партизанских разведчиков и диверсантов частенько заглядывали в гостеприимную хату Гаруськиных разузнать обстановку, получить донесение, а то и просто поесть и передохнуть в сене на чердаке после тяжелого похода. И мать с утра до вечера орудовала ухватом в печи, переставляла чугуны с картошкой и борщом, стирала и штопала ветхую партизанскую одежку и опасливо косилась на окна, когда мимо по сельской улице с ревом и грохотом проносились грузовики, набитые гитлеровскими солдатами.

В конце мая сорок второго к Гаруськиным пришла группа партизан во главе с главным отрядным рогачом, командиром боевой разведки Сергеем Виноградовым. Рогачами с легкой руки Виноградова партизаны называли самых смелых, самых удачливых партизан. Тот, кто жался поближе к лагерю, у кого дрожали коленки перед выходом на линию железной дороги, тот, кто был плохим товарищем и не жертвовал для друга всем, никогда бы не удостоился звания рогача. О том, что Сергей Виноградов не взял бы такого с собой на задание, и говорить нечего. А задание у Сергея на сей раз было нелегким: капитан приказал прощупать, какова обстановка на перегоне между станциями Олсуфьево и Жуковка, и заложить мину. В тех местах Виноградову бывать еще не приходилось. И для такого дела Сергею требовался хороший проводник. И не просто человек, знающий как свои пять пальцев окрестные урочища, а смелый партизан, который не струсит, ежели понадобится пойти к самому черту в зубы. Лучше Ивана Гаруськина, не раз ходившего с партизанами на разные операции, проводника не найти.

...Ждали да так и не дождались Ваню дома. Ни в скором времени, ни в долгом. Никогда. Группа Виноградова, которую Иван потаенными тропками, скрытно вывел под самое Олсуфьево, без помех установила мину и пустила под откос гитлеровский воинский эшелон. После того, как отгремело эхо взрыва и утих грохот сталкивающихся и падающих с насыпи вагонов и платформ, Иван повел группу в глубь леса, к крохотной, затерянной в чаще полянке.

— Здесь сухо. Отдыхайте, ребята,— сказал он.— Я посторо-

жу. Вам еще во-он сколько шагать. А мне рядом. Отосплюсь на печке!

Усталые партизаны улеглись на мягкую травку в тени деревьев и мгновенно заснули. Иван некоторое время походил вокруг спящих, прислушиваясь к лесным звукам, потом присел под дерево. «Э, да кто сюда придет! — подумал он. — Немца в лес и пряником не заманишь!»

Ошибся Иван Гаруськин. Не подозревал, что по следам группы уже торопятся немецкие солдаты с овчарками. Гитлеровцы еще издали приметили часового, незаметно подобрались сзади, выхватили винтовку, хотели зажать рот. Но Иван что есть силы впился зубами в чью-то руку, рванулся, крикнул:

— Немцы!

Этот крик спас Виноградова и его товарищей: они вскочили и, огрызаясь огнем, кинулись в чащу. А Ивана уже ничто не могло спасти...

Правда, когда, подгоняя штыками и прикладами, вели его по мостику через Белизну, он вырвался, перепрыгнул через шаткие перильца, нырнул. Но невелика речка Белизна, негусты заросли по ее берегам. Укрыться беглецу негде.

И вот стоит он с петлей на шее на бочке, под старой липой, что растет в двух шагах от родного дома, и молчит...

— Кто знает этого человека? — обратился к толпе переводчик. — Кто назовет его имя, получит награду: соль, спички, водку...

Никто не отозвался. Тишина стоит над поселком.

— А ты? Ты молодой, красивый... Что, жить не хочешь? Будешь отвечать?

— Буду, — неожиданно сказал Иван. И от звука его голоса вокруг сделалось еще тише.

На губах немецкого офицера и переводчика довольные улыбки: «Ага, не выдержал этот проклятый русский! Решил спастись!»

А Иван, медленно поворачивая голову, оглядел все вокруг, расправил плечи, глубоко вздохнул.

— Товарищи! Верьте! Советская власть победит!..

Немцы кинулись к нему, пытаются вырвать из-под него бочку. Иван яростно отбивался ногами, колотя в ненавистные рожи, беснующиеся вокруг. Кто-то в толпе жителей закричал дико, тонко и пронзительно. Но голос Ивана перекрывал все:

— Товарищи! Придет Советская власть! Да здравствует коммунизм!

Он сам оттолкнул бочку, и липа застонала под тяжестью его тела...

Через месяц гестаповцы все-таки докопались, кем был Иван

Гаруськин, и арестовали Игната Игнатьевича. Во время допросов, полуживой от пыток, отец, как и сын, не проронил ни слова, и гитлеровцы, отчаявшись вырвать признания, расстреляли его. А жена и дочь Игната Игнатьевича, предупрежденные подпольщиками, бросили дом и ушли к родным, в дальнюю деревню. Но и там до прихода наших продолжали чем только могли помогать партизанам.

* * *

Слесарь Володя Абросимов возвратился домой взволнованный. Зина ждала его сидя на чемоданах. Сквозной ветер, врываясь в распахнутые окна, закручивал на полу спирали пыли и мусора, хлопал дверцами буфета, шелестел разбросанными повсюду газетами, всячески доказывал, что отныне он, ветер, полноправный хозяин в доме.

— Придется тебе эвакуироваться одной, — ответил Володя на безмолвный вопрос жены. — Не могу я в стороне... и некрасиво для члена партии...

— А я тоже не поеду. Куда ты, туда и я!

— Но ты ж беременна...

— Ну и что? Придет время — рожу. Война для всех, не для одних мужиков!

— Ну, а если б меня в армию взяли? Тоже не поехала бы?

— Тогда б и решила, если б взяли...

— Да ты знаешь, какое дело мне предстоит?

Зина усмехнулась:

— Ладно тебе... Конспиратор! Думаешь, я не догадалась? И не мечтай!

— Но ты сама посуди: как же я приведу тебя в отряд? Что хлопцы скажут?

— Ничего не скажут. Еще и обрадуются!.. Ну, да ладно. Пока поеду на родину, в Стекланную Радицу, а там видно будет.

Володя хотел ответить, но вой сирены прервал его. Густо ударили зенитки. Заухали взрывы. К Брянску подходили гитлеровские войска...

К началу сорок второго Володя Абросимов был уже опытным партизаном. Давно остались позади первые, неумелые еще диверсии и операции, первые бои с карателями и походы по хмурым Брянским лесам. Уже погиб в бою под станицей Белобережской командир отряда, секретарь Брянского горкома партии Дмитрий Ефимович Кравцов и на его место стал Михаил Дука — в будущем прославленный партизанский комбриг. Уже не одну могилу оставили партизаны в лесных чащобах. Уже выработались важные партизанские привычки — вслушиваться,

вглядываться, быть начеку. И товарищи партизаны стали для Абросимова родной семьей.

Но о Зине Володя не забывал ни на минуту: «Что с ней? Здорова ли? Как-то она там, в своей Стеклоанной Радице? Эх, не смог уговорить, чтоб уехала... Теперь вот гадай да думай!»

Однажды Абросимова вызвал начальник разведки отряда.

— Как звать твою жену?

— Зинаидой... Дмитриевна по отчеству.

— Так... А где живет?

— Должно, в Стеклоанной Радице.

— Верно. Что ж, поздравляю с дочкой! Галей назвали.

— Откуда вы знаете?

Начальник разведки несколько минут молчал, улыбался.

— Вообще-то не имею права разглашать,— сказал он.— Но для тебя сделаю исключение. Жена твоя — подпольщица. В ее доме явочная квартира...

В мае сорок второго после тяжелых боев Дука привел брянцев на отдых в Дятковский партизанский край. Перед этим Дука послал в Стеклоанную Радицу Абросимова, приказал забрать жену и дочь. «В селе сейчас тяжело. Пусть побудет в отряде», — сказал командир.

Но долго отдыхать Володе и его семье не пришлось. Ни Дука, ни другие командиры отрядов, расположенных в Дятковском партизанском крае, не подозревали, что в высших гитлеровских штабах уже разработана операция «Брудершафт», в результате которой партизаны Дятковских лесов должны быть уничтожены, а партизанский край ликвидирован. Эту карательную операцию гитлеровцы, наученные горьким опытом партизанской войны, готовили в строжайшей тайне. Даже вездесущие подпольщики, которые действовали во всех городах, селах и местечках, на сей раз не смогли предупредить партизан. Второго июня под рабочим поселком Любохна, в котором располагался отряд Дуки, ударили очереди. Немцы рвались в лес. Володя Абросимов в тот день был связным при штабе отряда. Передав в свою роту приказ командира «бросить обоз и отходить в глубь леса», Володя огляделся. Жены не было видно... А в лесу все рвалось и грохотало. Над головой сухо щелкали разрывные пули, осыпая Володю ветками и листьями. Там и тут — короткие перебежки немецких солдат, подхлестываемых командами офицеров. «Где Зина? Где... Что с ней? А вдруг убита?» — стучало в голове Володи, когда он, то и дело нажимая спусковой крючок, вместе со всеми отходил в лес... Вдруг меж деревьев мелькнуло знакомое платье.

— Зина!

Володя кинулся к жене, выхватил у нее дочь, подтолкнул:

— Скорей!..

Восемнадцать дней маневрировал Дука по лесам, стараясь оторваться от преследующих по пятам гитлеровцев. Пока полотряда вело бой, удерживая врага, другая половина отходила. Вместе с партизанами шла и Зина Абросимова, прижимая к груди крохотное тельце дочери. Все села, даже маленькие лесные хуторки были заняты врагом. Над лесом висела вражеская авиация. И каждый шаг давался голодным, чуть живым от усталости партизанам с огромным трудом... А тут еще ночью, когда требовалось соблюдать особую тишину, вдруг раздавался писк ребенка... Кое-кто начал роптать:

— Девчонка нас демаскирует... Что у нас, отряд или ясли?

Когда эти разговоры дошли до Дуки, он вызвал Абросимова и командира взвода Валерьяна Федоровича Мерца.

— Когда лошади ржут, никто не возражает? — сказал он, похлопывая прутиком по голенищу. — Не предлагают избавиться от коней? А крохотуля такая пискнет — это, видите ли, мешает... Имейте в виду, товарищи, мы несем полную ответственность за жизнь ребенка. Передайте остальным, чтоб больше никаких разговоров!

Перед уходом из Дятьковских лесов под Навлю, в районе которой в тот момент было относительно спокойно, Дука решил снова послать Зину в Стекланную Радицу.

— Там нужна явка, — сказал он. — У тебя опыт уже есть. Так что действуй!

И Зина с дочкой опять пошла в Стекланную Радицу, и явочная квартира продолжала действовать. Володя в это время мало что знал о судьбе жены. Изредка разведчики, вернувшиеся из-под Дятькова, шепотом передавали привет. И все.

А потом снова начались тяжелые бои, и отряд Дуки вновь запутался по лесам... И тонкая ниточка, связывающая Володю Абросимова с женой и дочерью, прервалась.

Многое еще пришлось пережить и Володе и Зине. Бывший слесарь участвовал во всех крупных операциях партизанской бригады Дуки. Вместе с другими он взрывал знаменитый Голубой мост на Десне, бился под Желтянкой, вырывался из окружений и засад. В бою в партизанском лагере в урочище Медвежий Печи был тяжело контужен.

А Зина по заданиям партизан не раз ходила в Брянск за важными сведениями, которые передавали ей городские подпольщики, и возвращалась назад, минуя немецкие посты, с сумками, в которых несла продукты и медикаменты для партизан.

Летом сорок третьего гестапо заподозрило Зину в связи с партизанами. За ней установили слежку. Но один из подполь-

щиков, который работал в полиции по заданию партизан, вовремя предупредил ее, и Зина, захватив дочь, успела уйти в лес, в отряд Ромашина...

В сентябре 1943 года, после того как Брянщина была освобождена от гитлеровских захватчиков и Володя Абросимов вместе с родной бригадой прошел перед трибуной на партизанском параде в Орле, он вернулся в родной Брянск. Вышел на выщербленную, разбитую вокзальную площадь. Задумался. Смутно было на душе у бывшего партизана. Куда идти? Жены с дочкой нет... Может, погибли... Куда идти?

— Эй, Володька! — услышал он и обернулся. Перед ним стоял знакомый партизан. — О чем горюешь?

— А-а!.. Не бреди душу!..

— Слушай! А ведь тебя жена ищет! В Ямской она!

Не помня себя от радости, Володя побежал в Ямскую. Нашел нужный дом. Переступил порог.

— Зина!

— Володечка!.. Пришел наконец!

— А где дочка?

На лавке сидели четыре маленьких девчонки примерно одинакового возраста.

— Угадай, какая твоя?

Володя остановил взгляд на черненькой, со следами комариных укусов на лице.

— Вот она!

— Ну раз она — забирай, и до дому!..

Зинаида Дмитриевна и Владимир Георгиевич Абросимовы по-прежнему живут в Брянске. Оба работают. В их семейной жизни царит прежнее согласие. Только Владимир Георгиевич уже не слесарь, а заместитель главного механика завода дорожных машин. А Галя давно выросла и вышла замуж.

* * *

Я рассказал о двух семьях брянских подпольщиков и партизан. А ведь их было много — повсюду на полоненной врагом советской земле. Их члены — и самые старые и самые малые — вместе с нами, молодыми, обязанными по закону защищать Родину с оружием в руках, вынесли на своих плечах жесточайшие лишения и тяготы и безмерную горечь утрат. И оттого все они, мертвые и живые, — равноправные участники великого народного подвига в годы войны и по праву разделили солдатскую славу в День Победы. А брянская земля навсегда сохранит память об этих семьях в своих былях и памятниках.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Флот на боевой вахте. <i>С. Горшков, адмирал Флота Советского Союза, Герой Советского Союза, заместитель министра обороны СССР, главнокомандующий Военно-Морским Флотом СССР</i>	3
Курская битва. <i>М. Попов, генерал армии, Герой Советского Союза</i>	11
Железная Сеча. <i>Н. Быков</i>	21
Шесть минут. <i>З. Хирен</i>	29
У мыса Любви. <i>В. Ляковский</i>	32
На подступах к Брянску. <i>М. Попов, генерал армии, Герой Советского Союза</i>	40
Киев взят! <i>К. Москаленко, Маршал Советского Союза, Герой Советского Союза, заместитель министра обороны СССР</i>	47
Память земли. <i>Вл. Павлов</i>	55

На о б л о ж к е: «Орел наш!» Фото А. П. Морозова.

П О Б Е Д Н Ы Е Р У Б Е Ж И

Редактор — **П. КРАВЧЕНКО.**

Технический редактор Я. Б о р и с о в.

А 00313. Подписано к печати 20/1 1969 г. Формат бум. 70×108¹/₃₂.
 Объем 2,80 условн. печ. л. 3,72 учетно-изд. л. Тираж 100 400.
 Изд. № 214. Заказ № 3480. Цена 8 коп.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
 Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Договоры смешанного страхования жизни

заключаются с гражданами СССР в возрасте от 16 до 65 лет на срок 5, 10, 15 и 20 лет, но не далее достижения застрахованным 70-летнего возраста.

По этим договорам Госстрах выплачивает страховую сумму застрахованному по окончании срока действия договора страхования, а также при постоянной утрате застрахованным общей трудоспособности от несчастного случая, происшедшего на работе или в быту.

Если трудоспособность от несчастного случая утрачена от 30% до 50% включительно, то наряду с выплатой части страховой суммы снижается наполовину размер последующих взносов. При утрате трудоспособности свыше 50% застрахованный полностью освобождается от дальнейшей уплаты взносов. По окончании указанного в страховом свидетельстве срока застрахованный получает полную страховую сумму независимо от выплат за постоянную утрату трудоспособности.

Страховые взносы устанавливаются в зависимости от размера страховой суммы, возраста лица, желающего застраховаться, и срока страхования.

Для оформления договора вызывайте агента Госстраха.

Главное Управление государственного
страхования РСФСР

